

**ЕВСЕВИЯ ПАМФИЛА
СЛОВО ВАСИЛЕВСУ КОНСТАНТИНУ,
ПО СЛУЧАЮ ТРИДЦАТИЛЕТИЯ ЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ.**

Пролог похвального слова Константину.

Не с мифами и оболъстительным для слуха благозвучием слова выступаю я, как будто бы хотел очаровать кого-то пением сирен[1], не волшебный напиток удовольствия подношу я любителям его в золотой чаше, украшенной прекрасными цветами и надписями, но, повинувшись мудрецам, советую избегать больших дорог и уклоняться от них. Убеждаю не тесниться в толпе черни. Я начинаю перед вами новую песнь в похвалу василевсу. Ты-сячи людей поспешно идут по одному со мной поприщу, но чуждаюсь пути, протоптанного человеками, я пойду по дороге непроторенной, на которую не омытыми ногами вступать не позволено. Писатели гражданские, жадно наполняющие свои речи детскими игрушками искусства, писатели, любящие музу приятную и всенародную, пусть очаровывают смертное ухо смертными разглагольствованиями и свои мнения приносят в дар удовольствию, а хранители[2] мудрости всеобщей, достигли знаний о вещах божественных и человеческих, признавая за благо избирать наилучшее, предпочитают всему человеческому боголюбивые добродетели и богоугодные деяния своего василевса, второстепенные же совершенства предоставляют воспевать людям второстепенным. Ибо, так как в деянии василевса есть мудрость касательно вещей и божественных и человеческих, и божественные относятся к Богу, а человеческие к людям, состоящим вне священной ограды[3] пусть, тот кто способен, описывает мудрость его в отношении к людям, весьма уважаема конечно, удивительна, житейски полезна и она, потому что в василевсе все прекрасно, хотя и ниже мудрости в отношении к вещам божественным, а вступившим внутрь священного храма, в неприкосновенные и недоступные его недра, затворив двери для слуха нечистого, да поведают тайное помазание василевса одним мистикам помазания[4]; омоем же свой слух в потоках благочестия и на легких крыльях духа взлетающие в мир мыслимый да парят вокруг Всецаря и молча да посвящаются в божественные тайны. Между тем, вещания писанные, произносимые не прорицанием или исступлением, под вдохновением божественного света, да будут для нас учителями посвящения, да поведают они нам и о самом царствии, и о верховном Царе, и о божественной страже, которая окружает Всецаря, и о царственном нашем образе и о растлителе образа, и о последователях воинства того и другого. С помощью сих вещаний, совершая боголепные таинства, мы приступим к божественному торжеству следующим образом.

1. Ныне торжество великого Царя, и мы, сыны василевса, вдохновляемые наставлениями священных словес, радуемся. Начальник же нашего праздника — великий Царь. Великим Царем я называю Того, Который по истине велик. Да не оскорбится присутствующий здесь василевс, но да соединит с нашим богословствованием и собственное славословие. Я разумею Царя над всеми, высочайшего, вышнеебесного (υπερουρανιον), величайшего, — того Царя, Которого престол — свод неба, а подножье ног — земля, и о Котором никто достойно мыслить не может; по-тому что блистающий вокруг Него свет невыразимым сиянием лучей своих возбраняет всякому созерцать Его божество. Около сего Царя движутся небесные воинства и Ему служат надмирные (υπερκοσμικον) силы, признающие Его своим Владыкой, Господом и Царем. Около Него блистают бесчисленные полки ангелов, соборы архангелов, сонмы святых духов, черпающих из Него, как из величайших источников света, ослепительное сияние. Сего великого Царя громкими и богоприличными гимнами славят все светлы и бестелесных светов божественные и мысленные роды, получившие в удел страну поднебесную. И эта страна окружена лазурной завесой обширного неба, которой существа вне царских чертогов отделяются от существ, находящихся внутри них. Вокруг же небесной завесы, как бы в царских передних, текут факелоносцы, — солнце, луна и прочие небесные светила, воздавая почести Царю и вместе с тем, по его мановению и слову, озаряя неугасимым светом существ, получивших в удел мрачную страну вне неба. Приняв обычай славословить сего великого Царя нашего, Христа, победитель наш василевс сам, думаю, признает это обыкновение весьма хорошим, ибо знает, что виновник его царствования над нами - один Он. Получив отчее наставление, знают и боголюбивые кесари, что Он есть источник всех благ. Наученные великим Спасителем и Учителем, Его же чтят воинские отряды, бесчисленные жители селений и городов, и вожди народных собраний (αρχοντες εκκλησιαζοντες). Словом сказать, весь человеческий род, различные области, племена и языки, в частности рождающиеся не с одинаковыми мнениями, вообще держатся одного и того же исповедания, и врожденным себе смыслом, самостоятельным и самосознающим умом призывают

одного и того же Бога. Но что, не признает ли Его Господом и вся масса земли, показывая рождающимся из нее растениям животным, что она повинуется мановению Всеблагого? Его представляют виновником чудодействия и полные водами вместилища рек, и потоки вечных источников, непрерывно исторгающихся из неизмеримых пропастей, Его и заключенные в недостижимых глубинах бездны моря, и дугообразные, вздымающиеся на высоту волны, когда, повинувшись мановению Божьего закона, они подходят к берегам и поражают землю страхом. Кто не может видеть Его собственными очами, тому вещают о Нем и благопотребно льющиеся потоки земных дождей, и звуки громов, и огни молний, и разностороннее направление ветров, и воздушное плавание облаков. Его одного признает своим Господом и все светлое солнце, которое идет через многие века, и, повинувшись Его мановению, никогда не дерзает выступить из своих пределов. Подателя различных светов проповедует и прекрасное небо, блистающее сонмами звезд, которые текут стройно и согласно, совершая всякий раз обыкновенные свои обороты. По Его мановению и слову, составляют единую гармонию все небесные светила, протекающие величайшие пути в продолжение многих веков, так как бы состязались к беге воздушных просторах. Многообразную премудрость неизреченно-великой силы прославляет равномерно последовательное движение дней и ночей, перемена годовых времен, число и порядок всех явлений. Ему также воздают должное и приличное славословие невидимые, летающие в открытом пространстве воздуха силы.

Сего-то великого Царя воспевают весь мир, Его-то чествуют горные небеса и силы превысшие небесного свода. Его-то неизреченными гимнами величают воинства ангелов и, как своего родителя, славословят духи — сыны мыслимого света[5]. Его наконец, первое и единое умоляет о спасении всех само, во всем, до всего и после всего сущее, однородное Его Слово, великий Архиерей великого Бога, старше всех времен и всех веков, благоговейно служащий славе Отца, имеющий первенство власти над вселенной и славу, равную славе Отчего царствования, потому что Он есть тот самый свет, который льется вокруг Отца и своим посредством безначальную и нерожденную идею отделяет от сущности вещей рождаемых. Сей свет, истекая из нескончаемого и безначального Божества, выходит вне Его и, как страну наднебесную, так и все внутри неба, озаряет лучами мудрости, превосходящими сияние солнца. Он, то есть правитель целого мира, — Слово Божье, проходящее на всем, через все и во всем видимом и невидимом. От Него-то и через Него заимствует образ верховного царствования сам друг Божий, василевс наш, и всем, что на земле подчинено его кормилу, управляет, подражая Всеблагому.

2. Однородное Слово Бога непрерывно соцарствует своему Отцу от безначальных веков в неисчислимые и бесконечные века, а друг Его, получивший свыше мудрость царствования и укрепляемый названием, одноименным Богу, властвует через долгие периоды годов. Спаситель всех приготовляет своему Отцу благоприятными все небо, мир и вышнее царство, а друг Его приводит к однородному и спасительному слову подвластных себе жителей земли, и через то делает их готовыми для того же самого царства. Общий всех Спаситель, владея невидимой и божественной силой, как добрый пастырь, удаляет от своих овец, будто диких зверей, враждебные силы, которые носясь вокруг земной атмосферы, похищали человеческие души (ψυχη); а друг Его, свыше украшенный доспехами против врагов, умеет посредством войны обуздывать явных противников истины. Спаситель всех, как до сотворения мира (κοσμοουμενος) появившееся Слово, вверяет разумное и спасительное семя подвластным себе тварям, и через то делает их тварями разумными и выдающими царство Отца, а друг Его, как бы истолкователь Бога — Слова, призывает к познанию Всеблагого весь человечески род, взывая к слуху всех и громогласно возвещая жителям земли законы благочестия и истины. Спаситель всех переходящим отсюда туда отверзает небесные врата Отчего царства, а ревнитель Всеблагого, очистив от всякой нечистоты безбожного заблуждения земное свое царство, сонмы святых и благочестивых мужей призывает в царские чертоги и заботится о спасении каждого на управляемом им корабле жизни.

Один из бывших когда-либо обладателей римского царства, почтенный от Царя всех тремя десятилетиями власти, он не посвящает сего торжества земным духам, призракам, обольщающим народ демонам, обманам и выдумкам безбожников, как обыкновенно делали древние, но, сознавая полученные блага, воздает благодарение Тому, Кто почтил его ими. Он не оскверняет царских чертогов, по примеру древних, кровью и возлияниями, курением, огнем и жертвенным всеожжением животных, для умиловления земных демонов, но приносит жертву возлюбленную и благоприятную, то есть, посвящает самому Всецарю царскую свою душу и преданный Богу ум, ибо такая только угодна Ему жертва, такой только, чуждой огня и крови, совершаемой с чистыми помыслами души жертвой, василевс наш научился чествовать Его. Утверждение благочестия через принятие в душу догматов истинных, благоговейная проповедь Бога торжественным словом,

подражание человеколюбию Всеблагого царскими деяниями, всесовершенная преданность и приношение Ему самого себя в смысле великого дара, как начаток вверенного себе мира, - вот величайшая жертва, которую прежде всего совершает василевс наш! Он, как добрый пастырь, не возлагает на жертвенник знаменитых гекатомб [6] из перворожденных агнцев, но пасомых им словесных овец приводит к познанию Бога и благочестию души.

3. Весело взирая на такую жертву и с любовью приемля этот дар, Он восхваляет совершающего священнодействия (ιερείω) сей достоуважаемой и благоприличной жертвы, и соответственно благоговейному чествованию себя, умножая благодеяния, награждает его долгими периодами царствования. Он позволяет ему также отправлять различные празднества с великими видами монархии, делая каждый раз участником в царском престоле кого-нибудь одного из сынов его, и как бы цветущему и сильному растению, назначая времена для развития. Первого, одноименного[7] объявил Он причастным царскому жребию, по прошествии первого десятилетнего периода царствования, второго по времени[8] — по прошествии второго, а третьего[9] — в третий, нынешний десятилетний праздник. Вот наступает уже и четвертый период, продолжительность времени увеличивается. Распространяя царствование обильным общением рода и назначением кесарей, Он приводит к исполнению предречения божественных пророков, которые давно уже и очень давно зывали : И преимут царство святии Вышняго (Дан. 7, 17). Таким образом, даруя боголюбивому василевсу приращение времен и детей, Бог, Всецарь, сам соделывает его правление над народами земли сильным и юным, как будто бы оно только теперь возникает. Прославив в нем победителя всех врагов и неприятелей, и показав всем жителям земли пример истинного благочестия, Он сам устраивает нынешнее торжество его. Что же касается до василевса, то светозарным сиянием кесарей, будто солнце далеко пущенными от себя лучами, он озаряет и тех подданных, которые обитают в странах отдаленнейших. Один, достойный себя плод, он послал нам, жителям востока, другого сына — другому роду людей, иного опять иному[10], возжег их, будто факелы или светильники, льющимся от него самого светом. Так, в один ярем царской четырехконной колесницы запрягая себе, будто каких коней, четырех мужественнейших кесарей[11], и уравнивая их браздами божественного согласия и единомыслия, он с высоты своего престола сам погоняет их и, объезжая освещаемую солнцем землю, сам везде присутствует и все осматривает. Притом, украшенный образом царствования небесного и укрепляемый подражанием власти монархической, он взирает горе и управляет дольним по первобытной идее горнего, ибо Всецарь земнородных эту одну идею даровал человеческой природе. Закон царского права именно тот, который подчиняет всех единому владычеству. Монархия превосходнее всех форм правления, многоначалие (πολυαρχια) же, составленное из членов равного достоинства, скорее есть анархия и мятеж. Посему-то, один Бог (не два, не три, не более, ибо, многобожие есть тоже безбожие), один Царь, одно Его Слово и один царский закон, выражаемый не речениями и буквами, не в письменах и на таблицах, истребляемых продолжительностью времени, но живое и ипостасное Слово Бога, предписывающее волю Отца всем, которые покорны Ему и следуют за Ним. Его окружают небесные воинства, Ему служат тьмы Ангелов, бесчисленные сонмы надмирных полков и невидимых в небе духов, которые подчинены порядку целого Мира. Всеми ими, как некий вождь великого Царя, предводительствует царское Слово. И это-то Слово громкие вещания богословов мистически нарицают Архистратигом и великим Архиереем, Пророком Отца, Ангелом великого совета, отражением отеческого сияния, едиnorodным Сыном, и другими бесчисленными именами. Это-то живое Слово, этот закон, мудрость и полноту всякого блага Родитель Его дал всем сынам своего царства, как дар величайший и наилучший. И проникая во все, проходя везде и благодать своего Отца простирая на всех, Оно сообщило подобие царской власти даже разумным обитателям земли. То есть, божественными силами украсило сотворенную по образу Его человеческую душу. Отсюда, как божественное истечение, возможны для нее и прочие добродетели, ибо единая премудрость есть единый Бог. Он один благ по существу, один могущественен по силе, Он также родитель правды, Отец Слова и мудрости, источник света и жизни, раздающий истины и добродетели, вождь самого царствования, всякого начальства и власти.

4. Но откуда было знать это людям? Кто возвестил об этом слуху смертных? Язык плотский как сумел проглаголовать то, что чуждо плоти и телесности? Кто видел Царя невидимого и созерцал в нем эти силы? Телесным чувством постигаются ведь стихии, ему сродные, и вещи, только из них составленные, а созерцанием царства, во всех отношениях, посредством телесных очей невидимого, вероятно, никто не хвалился, и смертная природа не в состоянии понимать красоту мудрости. Кто же телесными чувствами всмотрелся в лицо правды? Откуда человек получил понятие о законном управлении и царской власти? Откуда он, составленный из плоти и крови, имеет мысль об авторитарном могуществе? Кто высказал земнородным идеи невидимые и аморфные, сущность

бестелесную и не очерченную образом? Истолкователь этого был один, проходящее всюду Слово Бога, Отец разумной и мыслящей сущности в людях, — один, соединенный с Божеством Отца и Отческим истечением орошающий собственные порождения. Отсюда у всех людей, эллинов и варваров, естественные и самостоятельные помыслы, отсюда понятие об уме (λογον) и мудрости (σοφιας), отсюда семена благоразумия и правды, отсюда знание искусств; отсюда знание добродетели, любимое имя мудрости и почетная любовь к философскому образованию, отсюда ведение всего доброго и прекрасного, отсюда представление самого Бога и жизнь достойная благочестия, отсюда человек имеет силу царствовать и непреодолимо властвует над всем земным. Все сие есть именно следствие того, что Слово - отец словесных (λογιχωνο) творений, запечатлело в человеческой душе черты образа и подобия Божьего и сделало ее животным царским, внушив ей одной из земнородных способность царствовать и повиноваться царской власти, а вместе с тем, наперед заботливо прояснить себе и обетованную надежду царства небесного, к которому она предназначена. Потом Отец своих чад не замедлил вступить и в собеседование со смертными. Питая свои семена и обновляя дары свыше, Он благовествовал всем о наследовании царства небесного, всех призывал и увещевал быть готовыми шествовать горе и приготавливал достойную звания одежду. Неизреченной силой своей проповеди Он наполнил все ежедневно озаряемое солнцем и по подобию небесному, к которому спешить побуждал весь человеческий род, питая людей доброй надеждой, изобразил царство земное.

5. Этой-то надежды причастен и друг Божий, украшенный врожденными от Бога добродетелями и приемлющий в душу Его внушения. От этого всеобъемлющего разума он разумен, от этой мудрости мудр, от причастия этому благу благ, от общения с этой правдой праведен, по идее этой умеренности умерен, от приятия этой высочайшей силы мужественен. А известно, что истинным василевсом, по всей справедливости, надобно называть того, который образовал свою душу царскими добродетелями, по образцу царства высочайшего, - напротив, кто отчуждался их, отвергая Всецаря, не признал небесного Отца душ и не воздал должного василевсу почтения, но приял в душу безобразие и срамоту, царскую кротость заменил раздражительностью дикого зверя, щедролубивое расположение неисцелимым ядом злобы, благоразумие безумием, ум и мудрость всего ненавистнейшей глупостью, из которой, как из горькой влаги, произрастают вредоносные растения: распутная жизнь, любостыжание убийства, богоборчество, нечестие, - кто предался всему этому, тот, хотя бы иногда и возвысился тиранической властью, василевсом и наименован быть не может. Да и как ему нести небесный образ монаршего права, когда в своей душе он запечатлел многочисленные образы демонов? Какой он начальник и властитель над всеми, когда на самого себя привлек бесчисленное множество жестоких деспотов, когда он раб постыдной страсти, раб развратного женонеистовства, раб несправедливо собираемых денег, раб раздражительности и гнева, раб страха и ужасов, раб дышащих убийством демонов, раб душегубцев духов? Итак, по свидетельству истины, да будет провозглашен у нас один василевс, — Друг Всецаря Бога, потому что он один свободен, или лучше сказать, один по истине господин: он выше денег и сильнее страсти к женам; он порождает удовольствия даже естественные, и обуздывает раздражительность и гнев, не обуздываясь ими, он истинный автократор, носящий имя, ответственное своим деяниям, действительный победитель, одержавший победу над страстями, воюющими против человеческого рода, он впечатлен по первоначальной идее (αρχιετυλον) великого Царя, и в своем уме, как в зеркале, отражает истекающие из нее лучи добродетелей. Ими усовершенствованный, он воздержан, добр, справедлив, мужественен, благочестив, боголюбив и, по истине, один василевс - философ[12], знающий самого себя[13] и изучивший внешние, или лучше сказать с неба льющие источники всякого блага[14]. Почетное название могущества монаршего он проявляет изящным облачением — покровами, и приличную себе царскую багряницу один носит достойно. Это такой василевс, который ночью и днем призывает небесного Отца, взывает к Нему в своих молитвах, и простирает свои желания к высочайшему царству, ибо зная, что настоящие блага смертные, удобообразуемые, протекающие подобно реке, и исчезающие, недостойны Всецаря Бога, он желает царства Божьего нетленного и бестелесного, и молится о получении его. Высотой своей мысли вознося ум выше небесного свода, он чувствует в себе невыразимую жажду тамошнего света, ибо видит, что, в сравнении с ним, все дары жизни настоящей ничем не отличаются от мрака, — видит, что управление людьми, то есть, смертной и непостоянной их жизнью, есть попечение малое и кратковременное, попечение немного лучше начальствования над козами, овцами, либо коровами, или еще труднее и беспокойнее, чем над животными. Что же касается до восклицаний народа и приветствий лести, то твердому его характеру и истинно образованной душе они доставляют более скуки, чем удовольствия. А взирая на подчиненных своих дорифоров, на тьму войск, на раболепствующие и послушные себе толпы

гоплитов и конные тагмы, он не изумляется и не надмевается этой властью, но обращает внимание на самого себя и видит в себе общую всем природу. Златотканая же, расшитая разными цветами одежда, царская багряница и диадема[15] возбуждают в нем даже улыбку, когда он замечает, что толпа поражается этим, и на такое убранство с детским простодушием благоговейно смотрит на наружный блеск. Сам он, зная Бога, отнюдь не питает в себе подобных чувствований, но, вместо одежды, облекает свою душу истинно царскими украшениями: воздержанием и правдой, благочестием и прочими добродетелями. Сверх того, возжеленные для многих сокровища, то есть, золото, серебро и всякие, возбуждающие удивление роды камней почитает он действительно камнями, веществом бесполезным и ненужным. Вообще, каковы они по природе, так на них и смотрит, то есть, как на вещи неспособные к устранению зол. В самом деле, помогают ли они отвратить болезнь, избежать смерти? Он совершенно знает это, и потому, смотря, как поданные для приличного украшения себя пользуются ими, не теряет своего беспристрастия, но смеется, видя детское их удивление этому. Притом воздерживается от хмельных, или опьяняющих напитков и изысканных, свойственных чревоугодникам приправ, предоставляя это другим, а не себе, ибо знает, что такие напитки и приправы весьма вредны, что они помрачают духовный разум. Изучив предметы божественные и помышляя о великом, василевс ко всему этому стремится как к таким благам, которые превосходнее благ жизни настоящей. Он призывает небесного Отца, желает Его царства, все совершает по чувству благочестия и, как учитель, научая своих подданных добру, преподает им богопознание великого Царя.

6. Бог же, как предварительное ручательство за награды, дарует ему тридцатилетний, приготовленный благополучными периодами времени конец, и по прошествии уже трех десятилетий, позволяет дать всем людям всенародные, или лучше, всемирные (κοσμικας) празднества. Но между тем, как жители земли, украшенные цветами богопознания, торжествуют, нимало не странно думать, что, увлекаясь законами природы, сорадуются земле и сонмы небесные жителей, да и сам Царь всех, как добрый Отец, с весельем взирает на благочестивые ликования добрых чад своих, и тем более украшает долголетними почестями начальника и виновника благ, так что для его царствования признает уже недостаточными три десятилетних периода, но делают его еще длиннее и назначает ему век наиболее долгий. Целый же век не стареет и не оканчивается, умы смертных обыкновенно не видят ни начала его, ни границ (ουτε περιγραφη), не постигают и самого главного. Желаящим он не позволяет определить ни своего так называемого настоящего, ни даже будущего, и прошедшего времени, ибо прошедшего нет, потому что уже прошло, будущего нет, потому что еще не пришло, а так называемое настоящее уходит вместе с мыслью и звуком, скорее слова, следовательно его нельзя представлять настоящим. Мы по необходимости либо только ожидаем будущего, либо рассматриваем прошедшее, настоящее же бежит, как смертная мысль. Итак, целый век не подчиняется уму смертных и отвергает служение им, однако же не отказывается исповедывать своего Царя и Господа, но украшаясь полученными от него дарами, везет его на хребте своем. А Он, управляя им свыше и удерживая его — не золотой цепью, как говорят поэты, но будто какими браздами, узамы неизреченной мудрости, со всей гармоничностью располагает в нем месяцы и времена года, воздушные перемены и лета, правильную смену дней и ночей, и ограничивает его различными пределами и мерами. Век по природе прям и стремится в бесконечность, имя века — αἰων получил он как бы от αει ων (всегда сущий) и частями похож на самого себя, или лучше сказать, не делится на части и не имеет их, а только возрастает своей долготой по прямой линии. Бог Сам раздробил его на отделы и, будто протянутой в долготу прямую линию, разделив точками, произвел в нем множество частей, бытие единое и монаде подобное определил числами, и в аморфном родил многообразное различие: ибо сперва Он сотворил в нем, как бы вместилище всякой сущности, — аморфную материю[16]; потом, силой двойства, из не имеющего вида (αειδος) образуя вид (ειδος), произвел в материи (υλης) качество[17], далее, посредством числа троичного, разделив ее на трое, из материи и формы (ειδος) [18] создал тело (σωμα), имеющее широту, долготу и глубину[19], и наконец, взяв два начала дважды, придумал четверицу стихий - землю (γην), воду (υδωρ), воздух (αερα), огонь (πυρ), как вечные причины движения во вселенной[20]. Затем, уже четверица породила декаду (δεχα), ибо один, два, три, четыре составляют число десятиричное[21]. Триада, привившись к декаде, произвела природу месяца, и месяц двенадцатью оборотами совершил круг около солнца. Отсюда круговые движения годов и перемены годовых времен, для отдохновения и наслаждения существ, протекающих свой путь жизни, аморфный и безвидный век разнообразили как бы разноцветными красками. Как для тех, которые в надежде получить награду, подвизаются в состязаниях, расстояния в которых определяются известными мерами, и ради того, что иные далеко бегут, дорога их распределяется на части и отрезки, чтобы кто-либо, простирая свое ожидание в бесконечность, не изнемог от ревности:

так Царь все связывающий поступает и с целым веком, Он ведет его, умеряя узами мудрости, и дает ему такое направление, какое признает наилучшим. Век прежде лишенный структуры (ασχεματιστον), украсив приятными оттенками и прекрасными цветами, Он, посредством солнца, повелел просиять белому дню; а протянув черную тень и рассыпав по ней блестящие светильники звезд, будто золотые побеги, произвел ночь. Возжигая светлые лучи Денницы, разнообразный огонь луны и светозарные группы звезд, Он увенчал целое небо, как великую ризу, всеми возможными красотами живописи; а простирая с высоты до глубины воздух и его силой прохладя весь мир в широту и долготу, указал в нем царство образования пернатых, и летающим в воздухе открыл его, как великое море для плавания. Утвердив землю в середине, подобно центру, Он окружил ее океаном, и море шумит вокруг земли, украшенной зеленью своей одежды. Указав в ней убежище, кормилицу и мать всех животных и оросив ее дождевыми и ключевыми потоками, Он повелел, для обильного наслаждения жизнью, произрастать на ней всякого рода растениям и прекрасным цветам. Потом сотворив на земле по образу своему животное превосходнейшее и самому Богу любезнейшее, одаренное умом и знанием, возрожденное словом и мудростью, сотворив разумного человека, Он даровал ему силу владычествовать над всеми прочими, пресмыкающимися по земле и питающимися на ней тварями, ибо возлюбленнейшим из всех земных животных творением был для Него человек, ему Он, как отец, дал в служение и роды бессловесных; ради него и море сотворил удобным для плавания, и землю увенчал различными растениями; ему даровал и познавательные способности для изучения различных наук, ему покорились и тварей пресмыкающихся во глубине, и птиц, летающих в воздухе, ему открыл и зрелища небесные,— течение солнца, повороты луны, круговращение звезд движущихся и неподвижных; ему одному на земле предписал познавать небесного Отца и славословить гимнами великого Царя целого века. Кроме всего этого, Творец мира (κοσμοποιος) опоясал неизменяемый век четырьмя временами года: время зимнее закончил весной, и весну, как начало годовых перемен, определил ровно стоящими весами, потом, увенчав весь век многоплодием весны, передал его зною лета, за тем, как бы изможденного трудами, восстановил временем осенним, и наконец омыв его, как царского коня, влажными потоками зимних дождей, сгладив падающими свыше ручьями, и утучнив ливнями, снова оставляет его в преддверии весны. Связав такими узами мудрости весь круг года, великий Царь подчинил свой век кормилу превосходнейшего Правителя, — однородному своему Слову, и Ему-то, как общему всех Спасителю, вверил бразды всего. Прияв это наследие от благого Отца и приведя в единую гармонию все, что содержит в себе пространство внутри и вне неба, Он начал вечное свое течение к прямой цели. Праведно наблюдая пользу разумных своих созданий на земле, и проводящим смертную жизнь предписав, пределы существования, Он позволил всем людям в настоящем веке заранее видеть начало лучшего, будущего, ибо учил, что жизнь божественная и блаженная действительно выше века настоящего, и что ревностным подвижникам уготованы в ней превосходнейшие блага, что пожившие воздержанно и благочестиво отсюда перейдут и переселятся к лучшему, а связанные здесь грехами займут и приличную себе страну. Потом, как распорядитель всяческих наград подвижникам, провозгласив победителям различные венцы (στεφανος), Он увенчивает их за добродетели различными дарами. Доброму же, украшенному благочестием василевсу предуготованы, говорит, еще большие за его подвиги награды, и начатки их позволяет ему праздновать даже здесь, — позволяет совершать праздник, составленный из чисел совершенных[22], из монады утроенной и помноженной на десять. Из этих чисел первое — триада (τριάδος) есть порождение монады, а монада есть мать чисел, старше всех месяцев, годовых времен, годов и всяких периодов времени. Вообще, монаду (μοναδα) получившую имя от постоянства (μενεῖν) справедливо можно назвать началом, основанием и стихией всякого множества, потому именно, что когда каждое множество, через вычитание и сложение чисел, либо уменьшается, либо увеличивается, одна монада сохраняет постоянство и неизменность, ибо отделяется от всякого множества и от родившихся из нее чисел. Она носит в себе образ неделимой и от всего отделенной сущности, силой и причастием которой произведена природа всякого бытия, ибо монада дает бытие каждому числу, так как всякое множество получается через совокупление и приложение монад. Без монады нельзя представлять сущности чисел, между тем как сама она может существовать и без множества, поскольку сама она несравненно выше и превосходнее всякого числа, ибо все творит и устанавливает, не увеличиваясь ни от чего другого[23]. Ей сродни и триада: она также нерассекаема и неделима, она есть первая величина, состоящая из четных и нечетных чисел, ибо четное — два, присоединив к себе монаду, произвело первую нечетную природу триады. Триада указала на справедливость, ибо привела к понятию о равенстве, потому что в ней начало, середина и конец — равны. Все это есть образ Триады мистической, всесвятой и царственной, Которая, имея природу безначальную (αυορχον) и нерожденную (αγενητου), носит в себе семена, основания и причины

сущности всего рожденного; так что сила Троицы справедливо почитается началом всякого бытия. Наконец, декада заключает в себе предел всех чисел: она останавливает все, до себя доходящее, и справедливо названа числом полным и совершенным, потому что обнимает собой все идеи (ιδεασ), и меры всех чисел, причин, согласий и гармоний. Монады, увеличивающиеся через сложение, ограничиваются в самом деле десятью. Имея в декаде мать и очерченную границу, они совершают в ней свой круговой бег, пройдя же второй круг, третий, четвертый и так далее — до десяти, из десяти декад производят сотни и потом возвращаются к прежней точке разрушения. Отсюда снова начав свое движение и совершив его десять раз, то есть обойдя свой путь десятижды сто, на обратном пути по тем же кругам, через возвращение из себя на самих себя, пробегают огромные расстояния. Таким образом, десятая часть десяти есть монада, и десять монад составляют одну декаду. Декада есть предел монад, есть их круг, их грань, круг бесконечности чисел, грань — конец монад. Троица, в соединении с декадой, совершив три раза период десяти кругов, рождает число самое естественное — тридцать, ибо, что в монадах триада, то в декадах тридцатка: она есть постоянный предел второго, после солнца, великого светила, ибо период луны, от первого сближения ее с солнцем до второго, составляют круг месяца, после чего, получив снова начало рождения, она озаряется новым светом и проявляет новые дни, украшенные тридцатью монадами[24], — она прославляется тремя декадами и сияет десятью триадами.

Того же самого удостоенная от Подателя всех благ миродержавная (κοσμοκρατορικῆς) власть василевса-победителя получает ныне новые дары правления. Только что совершив праздник тридцатилетия, теперь она достигла долженствующих размеров времени и наперед уже услаждается надеждами на будущие блага в небесном царстве. Там, вокруг Всецаря течет не одно солнце, но целые легионы бесчисленных светов (στραταίφωτον), и каждый из них превосходнее света солнечного, потому что все они озарены и блистают сиянием лучей, исходящих из вечного источника. Там жизнь души протекает в нетленной красоте добродетелей, там она не знает никакой скуки, там — наслаждение здоровыми и всесвятыми удовольствиями, там — время без времени, оно длится, но не оканчивается, а идет в бесконечность, не измеряется днями, месяцами, кругами годов и периодами годовых времен, но становится одной, простирающейся беспредельно жизнью. И эта жизнь освещается не солнцем, озаряется не множеством звезд и не сиянием луны: ее светило есть Бог-Слово, едиnorodный Сын Всецаря. Посему-то мистическое богословие именует Его Солнцем правды, светом превыше всех светов и разумов. И мы веруем, что преблаженные силы Он озаряет лучами правды и светом мудрости и, оправдывая свои обетования самым делом, воспитанные благочестием души приемлет, вместо небесной сферы, в собственные недра. Впрочем, и око смертных не видит, и ухо не слышит, и облеченный плотью ум не знает, что уготовано для людей, украшенных благочестием, что уготовано и для тебя, василевс благочестивейший, для тебя, которому одному от века сам Бог, Всецарь, поручил очистить жизнь человеков, которому указал также и спасительное свое знамя, чтобы, победив им смерть, воздвигнуть его как трофей над врагами. Этот-то победный трофей[25], страх демонов, противопоставив идолам заблуждения, ты одержал победу над всеми нечестивыми противниками и варварами, даже над варварами другого рода, то есть демонами.

7. Так как в нас соединены две природы: душа и тело, и одна из них для всех видима, а другая невидима, то им противодействуют и два враждебных рода, один воюет сокровавно, а другой — явно; на тела враги нападают телами, а обнаженную от телесности душу осаждают бестелесными средствами. Варвары видимые, блуждающие дикари, ничем не отличающиеся от зверей, делают набеги на общества людей кротких и, подобно кровожадным, вышедшим из пустыни в населенные места волкам, опустошают деревни, порабащают города и убивают, сколько могут, а враги невидимые, душегубцы-демоны жесточе всех варваров; они летают в воздухе и, посредством многобожного зла, покоряют под свою власть весь смертный род, так что истинного Бога не признают Богом, но блуждают в многообразной и безбожной своей слепоте взяв, откуда-то богов, нигде и никак несуществующих, истинного сущего и единого они вменяют ни во что, так как бы Он и не существовал. Отсюда, Богом почитается у них рождение тел, другим же, противоположным Ему, называют они разрушение и разложение их. Первый, как бы начальник рождения, чувствуется у них оргиями Афродиты[26]; а второй, как бы обильный богатством и имеющий власть над смертным родом, именуется Ганимедом[27]-смертью, ибо, тогдашние люди, не зная никакой другой жизни, кроме той, которая получается посредством рождения, провозглашали Богом само это рождение и причину его, равным образом, не надеясь существовать после смерти, победительницей всего и великим Богом объявляли самую эту смерть. Притом, будучи разрушаемыми смертью, они никак не думали, что подвергнутся воздаянию, и, совершая дела, достойные тысячи смертей, проводили жизнь, чуждую жизни. Не имея в уме Бога и не ожидая суда Божьего, не поддерживая в себе памятования о

сущности своей души, но обращаясь к одному, страшному покровителю, — к смерти, и происходящее отсюда разрушение тел и разложение всего почитая собственной своей природой, они называли смерть великим Богом и богачом (πλουσιον), или, что то же, — Ганимедом. Впрочем, смерть была у них не единственным божеством, еще прежде ее они чтили все располагавшее к страстной жизни, именно богом признавали удовольствие плоти, богом пищу, богом — возрастание ее, богом — древесные плоды, богом — пьяное пированье, богом — телесное вожделение, богом — наслаждение телесными видами. Отсюда — таинства Деметры[28] и Прозерпины (φερεφαιττης), в которых похищение и возвращение Кору[29], совершенное Адонисом[30], отсюда - посвящения[31] Диониса[32] и победа пьянства, как высшего божества[33], над Гераклом[34] отсюда — любодейные оргии Эрота[35] и Афродиты[36], отсюда сам Зевс исполнен неистовой любви к женщинам и Ганимеду[37], отсюда — соблазнительные повести мифологии о сладострастии и любострастии богов. Столькими-то стрелам богопротивного заблуждения страшные варвары и враги Всецаря уязвили жителей земли и поработили весь род их, так что всюду на земле воздвигли памятники безбожия и по всем углам ее построили храмы и капища ложного богословия. Да и лица, почитавшиеся тогдашними правителями, до того сделались рабами заблуждения, что старались угождать своим богам через убиение соплеменников и родственников, точили мечи против защитников истины, воздвигали непримиримую войну и нечестивые руки не на иноплеменных и чужеземных врагов, а на домочадцев и друзей, на братьев, родственников и возлюбленных, которые решились чтить Бога и поклоняться Ему благообразием жизни, воздержанием и делами истинного благочестия. Дыша таким неистовством, они приносили в жертву своим демонам людей, преданных Всецарю, между тем, как эти благородные мученики истинного благочестия, привыкшие славную смерть за истину предпочитать самой жизни, ни во что ставили столь великую тиранию и, как воины Божьи, ограждаемые силой терпения, обращали в смех все роды смерти: огонь, железо и пригвождение, диких зверей и бездны моря, отнятие членов и прижигальники, прободение глаз и отсечение конечностей тела, также голод, рудокопни и узы. Все это, из любви и стремления к Царю, казалось им приятнее всякого блага и всякого удовольствия. Не менее мужей явили в сем случае твердость и юные души жен. Некоторые из них, совершив одинаковые с мужами подвиги, одинаковые за свою доблесть приняли и награды, другие, влекомые для растления тел, скорее предавали душу смерти, чем тело растлению, а тысячи иных, не имея возможности даже и слухом коснуться угрозы блуда, произносимой народными правителями, с решимостью подвергались всем родам колесования и выслушивали всякий смертный приговор. Так подвизались в борьбе с многобожным воинством крепкие в вере поборники великого Царя, а враги Божьи и противники спасения человек, хуже всякого необузданного варвара, между тем взирали с радостью на пролитие человеческой крови, когда слуги их, приготовляя это бедственное и нечестивое пиршество на пагубу всего нашего рода, подносили им наполненные кровью несправедного убийства чаши. Таковы были обстоятельства, и что надлежало совершить Царю страдальцев, Богу? Неужели оставить без внимания спасение возлюбленных и презреть находящихся в таком стеснении ближних? Но и кормчего никогда не называют мудрым, если свой корабль, вместе с людьми, он предаст безднам, и ничего не делает для спасения мореплавателей, и военачальник был бы не бережлив, если бы своих ближних безнаказанно уступал врагам, да и добрый пастырь своего стада не будет спокоен, когда заблудилась его овца, но, оставив в безопасном месте всех, наслаждающихся благополучием, решится потерпеть что бы то ни было, для спасения заблудшей, хотя бы надлежало ему сразиться с дикими зверями. А великому Царю предстояло позаботиться не о бессловесном животном. Он заботился обо всем своем воинстве и о тех, которые за Него подвизались. Приемля их подвиги и борьбу за благочестие, одних Он приводил к Себе, удостоивал победных наград, и вписывал в ангельские сонмы на небесах, а других хранил на земле, как семена, передающие потомству жизнь благочестия, и вместе с тем, как очевидцев суда над нечестивыми и повествователей обо всем совершившемся. Когда же простер свою десницу для отмщения врагам, то одним мановением истребил всех их, однако же на них предварительно посылал небесные бичи и тем заставил их нехотя, собственными устами воспеть покаянную песнь о своих согрешениях, а лежавших долу восстановил, уничтоженных некогда и всеми отверженных возвысил. Это-то совершил великий Царь небесный для земли, когда в лице своего слуги приготовил поборника непобедимого, и царь земной от избытка благочестия с радостью носит такое название. Воздвигнув его одного против многих, Бог явил в нем победителя всего рода врагов. Враги были бесчисленны, у них, как у демонов, много находилось и друзей, или, лучше сказать, они были, как и есть — ничто, а василевс — один к одному, это образ единого Всецаря. Те, имея безбожную душу, кровожадно умерщвляли мужей благочестивых, а он, подражая своему Спасителю и умея только спасать, спасал и научал благочестию самих безбожников. Таким образом, как истинный победитель, он победил оба те

рода варваров: буйные толпы людей укротил разумными представлениями, приучил их подчиняться и повиноваться лучшим, и от беззаконной и зверской жизни перевел к разумной и законной, а неистовую и разъяренную природу невидимых демонов, как уже прежде Всеблагим побужденную, обличил самыми делами. Ибо общий всех Спаситель невидимо победил врагов невидимых а он, как помощник великого Царя, преследовал побежденных, обнажил давно умерших и погибших, и добычу щедро разделил между воинствами победителя.

8. Узнав, что многие, подобно неразумным детям, малодушно боятся вылитых из золота и серебра страшилищ заблуждения, Константин признал нужным, уничтожить их, как камни преткновения, брошенные под ноги людей, ходящих во тьме, и через то царский путь сделать для всех легким и гладким. Придя к сей мысли, он рассудил, что для осуществления ее не нужно ни гоплитов, ни многочисленного войска, и довольствовался услугой одного или двух преданных себе лиц, которых одним мановением послал во все провинции. Эти уполномоченные слуги благочестия являлись среди многочисленных народных собраний, и делали сходки по всем городам и селениям, преданным застарелому заблуждению. Повелевая самим жрецам, при громком смехе и сраме, выносить своих богов из темных ущелий на свет, они снимали с них все внешнее и открывали очам каждого разницу меду имеющим форму и бесформенным, скрывавшуюся под расписанными образами, потом отделяя вещества, по-видимому, годные, и испытывая их плавкой и огнем, все полезное и нужное складывали в безопасное место и хранили, а оставшееся за тем бесполезное, в память стыда, возвращали нечестивым. При этом дивный василевс совершал и другое нечто. Когда мертвые идолы из драгоценного вещества были таким образом разложены, он приступил и к идолам, вылитым из меди, и эти также узники, боги старых сказок, увозились опутанные волосяными веревками. После сего великой василевс как бы зажег некий светлогорящий факел и царственным своим оком смотрел, не скрывается ли где-либо остатков заблуждения. Как яснозоркий, поднебесный орел с высоты видит отдаленнейшие земные предметы, так и он, обитая в царском жилище прекрасного своего города, издали увидел некую губительную сеть для уловления душ, скрывавшуюся в стране финикийской. Это были роща и капище - не в середине города, не на площадях и улицах, где устраивали их множество для украшения городов, то и другое находилось в месте пустынном, вдаль от распутий и больших дорог, на одной из высот Ливана, и посвящено было бесстыдной богине Афродите. Там существовала школа злодейства для всех распутных, с великой охотой растлевавших свое тело, там некоторые женоподобные люди, мужчины — не мужчины, отрекшись от почетного своего пола, умилоствляли демона женского страстью, а женщины в том храме, как в незаконном и отступническом месте, имели противоестественные сношения, тайно соединялись браком и совершали дела невыразимо постыдные и отвратительные. Над совершавшимися там поступками наблюдателей не было, потому что ни один честный человек не решался войти туда, однако же от великого василевса они укрыться не могли. Узнав о них силой собственной царской прозорливости, он счел самое то капище недостойным солнечного света и повелел истребить его до основания со всеми находившимися в нем вещами. Итак, по мановению василевса, тотчас разрушены были все вымыслы распутства и заблуждения воинский отряд занялся очищением того места, и люди, дотоле развратные, грозной волей василевса научены воздержанию. Сим средством сделав очевидными для всех обманы зла, василевс через это самое проповедал всем своего Спасителя. А схваченным тут не покровительствовал и не помогал никто, — ни демон, ни Бог, ни провещатель, ни гадатель, ибо души людей уже не заблуждались среди глубокой тьмы, но, озаренные лучами неложного благочестия, порицали невежество своих предков и сожалели об их слепоте, себя же, как избавившихся от ужасного заблуждения, почитали блаженными. Так-то, по благоволению великого Бога и содействию василевса, в короткое время исчез весь род врагов и противников видимых и невидимых, и вожделенный, благопопечительный о воспитании юношества мир воцарился во всех жилищах человека. Не было больше войн, потому что не осталось врагов, не было битв по селениям и городам, какие случались прежде, когда процветало идолослужение, люди не проливали уже крови, как бывало во времена многобожеского безумия.

9. Теперь время сличить новое со старым и вникнуть в перемену худшего на лучшее, время обсудить и сообразить, с каким тщанием в древности украшались у них во всяком городе и преддверия домов, и капища, и рощи, и жертвенники. Храмы их увенчивались многочисленными приношениями, и боги в сих храмах у тогдашних тиранов пользовались великой честью, а областные и деревенские жители выражали уважение к отечественным обычаям, расставляя статуи в селениях и в каждом месте, даже в домах, кладовых и дворцах. Плодом такой их набожности был не взаимный мир, видимый ныне очами, но совершенно противное тому: войны, брани и возмущения, от которых они страдали в течение целой жизни, наполняли их страны кровью и междоусобными убийствами. Между тем, чтимые ими боги, с великим бесстыдством обещавшие тогдашним властителям пророчествовать, провещать и предугадывать будущее, не сумели предвидеть и собственной своей гибели, или

предсказать о самих себе. Это могло бы быть уже самым твердым основанием к обличению обмана. В самом деле, никто из этих, удивительных в древности по своим предвещаниям, оракулов не предсказал ни славнейшего пришествия общего Спасителя, ни новой проповеди преподанного Им богопознания. Даже сам Пифий[38], или кто-либо другой из главнейших демонов, не предугадал собственного запустения, не предрек о своем Победителе, не предвидел своего Истребителя. Какой оракул или прорицатель предвозвестил, что почитание богов, с пришествием некоего Нового, погаснет в жизни человеков, и что всем людям преподаны будут знание Всецаря и вера в Него? Кто предугадал это святое и богочестное царство, этого славного нашего победителя, эти повсюду на земле воздвигнутые Им над демонами трофеи, и это истребление истуканов? Кто из героев когда-либо предизобразил это расплавление бездушных статуй посредством огня и превращение их из бесполезных в полезные вещи? И когда истуканы их расплавились и с осмеянием раздроблялись на мелкие части, кто из богов вспомнил о них? Где были защитники их, что не могли отомстить за свои священные, истребляемые людьми памятники? Где были те, которые прежде воздвигали войны, если только видели, что противники их наслаждаются совершеннейшим миром? Где были те, которые полагались на них, как на богов, и суетной уверенностью надмевали дух свой, которые, возвысив свое заблуждение и, без объявления, воздвигнув войну противоборствующим истине, как злые, зло погибли? Где эта толпа богоборцев титанов? Где свист драконов, которые, изошряя свои языки, испускали безбожный крик против Всецаря? Вступив в войну с Всецарем, они надеялись на множество своих богов и, в виде бездушных статуй, неся пред собой изображения мертвых, вышли на Него с великой военной силой. Константин же, облекшись в броню благочестия, противопоставил толпе противников спасительное и животворящее знамя, как некое устрашение угрожающее злу, и в одно время одержал победу над врагами и демонами. Потом, от признательного сердца вознося благодарственную молитву Виновнику победы, он и громким словом, и памятниками возвестил об этом победоносном знамени всем людям. Сей великий трофей над всеми врагами водрузив среди царственного города, он повелел признавать это, спасительное и животворящее знамя, устрашением римской власти и вообще всего царства. Признавать его таким научил он всех людей, а особенно воинов, которым более других надлежало возлагать надежду не на копья, не на вооружение, и не на телесную крепость, но должно было знать Бога всяческих, как Подателя всех благ и самой победы. Для своих воинств василевс же опять (парадоксально!) сделался и наставником молитвословия: он издал для них благочестивые, сообразные с божественными уставами молитвы, чтобы, простирая руки горе к небу, а мысленный взор вознося еще выше к небесному Царю, они в своих молитвах взывали к Нему, как к Подателю победы, Спасителю, Хранителю и Помощнику, мало этого, чтобы днем молитвы признавали день истинно Господний, действительно первый, воскресный и спасительный, день одноименный свету и жизни, бессмертью и всякому благу. Притом, сделавшись учителем добра для самого себя и прославляя Спасителя в царских своих чертогах, он то исполнял божественные уставы молитвами, то назидал свою душу слушанием священных писаний. Слугами же его и служащими, равно как стражами всего его дома, были мужи, посвященные Богу, люди, украшенные чистотой жизни и добродетелью, самые дорифоры, верные телохранители (σωματοφύλακες), вооруженные нравами благорасположения, видели в василевсе учителя благочестивой жизни. А василевс, между тем, чтит победоносное знамя, ибо на деле испытал его божественность. По истине им покорил он толпы вражеского войска, им обратил в бегство силы невидимых демонов, им сокрушил надменность богоборцев, им заставил молчать языки злословящих и нечестивых, им подчинил себе варварские племена, им обличил ничтожность языческого обмана, им же, в конец всех благ, как бы платя долг, василевс повсюду на земле воздвиг победные трофеи, и повелел всем, богатой и царской рукой строить храмы, места собрания и священные молитвенные дома. После сего немедленно явились величественные произведения царственной щедрости в епархиях и городах, а в короткое время заблистали и везде, и были обличителями безбожной тирании, ибо недавно, побуждались безумием души противоборствовать Богу, и неистовствуя, подобно псам, тираны изливали свою ярость на бездушные здания, если уже не могли излить ее на самого Бога. Разрушая сверху донизу, и выкапывая из самых оснований молитвенные дома, они представляли из них зрелище плененного неприятелями города[39]. Таково-то было дело их злобы! Но, как бы угрожая Богу, они скоро подверглись мщению за свое сумасшествие, ибо, по прошествии краткого промежутка времени, истреблены одним стремлением ниспосланной от Бога бури, так что между людьми не осталось ни рода их, ни племени, ни следа памяти: все они, не смотря на свою многочисленность, поражены небесными бичами, и погибли в самое короткое время. Таким-то был конец богопротивной их ярости! Между тем Константин, ограждавшийся спасительным трофеем, один, впрочем не один, а при помощи и содействии единого Царя, создал храмы превосходнее тех, которые недавно были разрушены, создал вторые гораздо великолепнее первых, и различными

церквями Божьими обрадовал как одноименный себе город[40], так и митрополию Вифинии[41], которую почтил храмом величественным и прекрасным. Подобными церквями украсил он главные города и прочих но из всех областей избрал преимущественно два места на востоке: одно в Палестине, откуда, подобно источнику, излился повсюду животворный поток веры другое — в главном городе восточной митрополии, украшающей имя Антиоха[42]. В этом последнем, как во главе всех, находящихся здесь епархий, он посвятил Богу, по огромности и красоте, чрезвычайное и единственное в своем род здание. Извне весь храм обвел он длинной оградой, а внутри поднял базилику до изумительной высоты, и придал ей вид восьмиугольника сверх того, окружил ее многочисленными зданиями и папертями и увенчал всякого рода украшениями. Эти постройки произведены были (в Антиохии), а другие - в Палестине среди царственного города евреев[43]. Здесь, на месте спасительных страданий, он богато и щедрой рукой украсил великолепный молитвенный дом и созданный во имя знамени Спасителя святой храм. Здесь осыпал он превосходящими всякое выражение украшениями достойный вечной памяти гроб Господень и трофеи великого Спасителя над смертью. Взяв здесь три места, прославленные тремя таинственными пещерами, он возвеличил их богатыми зданиями. Этим по достоянию почтил он пещеру первого богоявления, этим выразил благоволение к памяти последнего вознесения на горе, а над средней прославил победоносное окончание всех подвигов Спасителя. Все эти места василевс украшал, проповедуя повсюду спасительный знак, и в вознаграждение такого благочестия, оно умножает весь его дом и престол (θρονον), а престол царства упрочивает многолетними периодами, и плоды добродетелей василевса передает благочестивым его детям, всему роду, и отдаленнейшим потомкам. Величайшим доказательством чтимого василевсом Всемогушества служило даже и то, что, распределяя поровну дары справедливости, он воздал той и другой стороне, что следовало. Разрушителей молитвенных домов по пятам преследовала казнь за их нечестие, они остались без рода, без дома, без приюта и тотчас погибли: а кто чтит своего Господа всеми родами благочестия, воздвигая в честь Его базилики, те проповедуя Его своим подданным повсеместными приношениями, тот поистине обрел в Нем Спасителя и Хранителя царского своего дома и рода. Так-то божественной силой спасительного знамени прославились дела Божьи!

10. Об этом знамени гораздо долее мог бы говорить посвященный в таинства богословов, ибо оно поистине спасительно. Странно сказать, а еще страннее представить, каким образом оно только что явившись на земле, затмило все, от века бывшие постановления (θεσμι) о богах, предало мраку и забвению заблуждение, и, озарив человеческие души разумным светом, открыло всем единого истинного Бога, так что теперь каждый, обратившийся к лучшему, плюет на лица мертвых идолов, попирает незаконные уставы демонов и осмеивает древний, перешедший от предков обман. Учредив повсюду школы для слушания священных писаний[44], люди назидаются ныне как бы спасительными науками, чтобы уже не бояться созерцаемой телесными очами твари и, возводя взор к солнцу, луне и звездам, не останавливаться перед ними в изумлении, но исповедывать Существо, которое выше их, бесплотное и невидимое, Творца всяческих, и Ему одному воздавать почтение. Стольких-то благ виновником явилось для людей это великое и дивное знамя! Существовавшее прежде зло, через его силу ныне не существует, а не существовавшее доселе добро теперь сияет всеми лучами благочестия. Теперь для слуха всех народов проповедуются слова, наставления и убеждения к честной и благочестивой жизни, и проповедник — сам василевс. Величайшее чудо и то, что столь великий василевс, как бы истолкователь воли Всецаря Бога, громогласно взывает ко всему миру, и приглашает всех пасомых им к познанию Сущего. Ныне среди царских чертогов уже не слышно болтливости людей безбожных как бывало прежде, там собираются и царскими гимнами славословят Бога украшенные благочестием священники и богопочитатели. Ныне благовестуется всем единый Бог, сам Всецарь, и благое слово Евангелия, возвещающая сынам земли о милосердном и любвеобильном небесном Отце, с Царем всех тварей соединяет весь род человеческий. Ныне славят Его различными победными песнями хоры, и весь род смертный составляет одну гармонию с сонмами ангелов на небе. Ныне возносят к Нему подобающие гимны и ублажают Его боголюбивым богословием разумные души, облеченные телами, как бы некими мусическими[45] инструментами. Ныне обитатели запада назидаются Его поучениями в одни и те же часы времени с жителями востока[46], и населяющие север поют одни и те же песни с обитателями полуденными. Ныне все они ведут благочестивую жизнь по одним правилам и законам, все славословят единого Бога всяческих, исповедуют единого Спасителя Виновником всех благ, и признают единого на земле исправителя - василевса и боголюбивых детей его. Сей василевс, как мудрый кормчий, сидя на возвышении и держа в руках кормило, верно правит кораблем и, при содействии благоприятного ветра, ведет всех своих подданных к безопасной и вожделенной пристани. А Бог, великий Царь,

простирая к нему свыше десницу, делает его победителем всех врагов и противников, и укрепляет силу его царствования многолетними периодами. Он явит его участником еще высших благ и самым делом исполнит на нем свои обетования, о которых настоящее время говорить не позволяет: надобно ждать переселения его туда. Смертными очами и физическим слухом божественное постигнуть невозможно.

11. Теперь в этом слове, в этом сочинении о Всецаре предложим тебе, великий победитель, Константин, тайны сокровенного учения. Мы не будем посвящать в них тебя, умудренного самим Богом, не обнажим неизреченных вещей тебе, которому еще прежде нашего слова, сам Бог явил и открыл священные тайны не через людей и не через человека, но через самого общего Спасителя и через многократно с перед тобой сиявший образ Божий. Нет, мы постараемся привести к свету людей несведущих, и указать основания и причины праведных деяний твоего благочестия тем, которые не знают их, ибо подвиги твоей добродетели, ежедневно совершаемые по населенной людьми Ойкумене, ради служения Царю - Богу всяческих и почитания Его, воспеваются устами всех смертных, а трофеи твоей благодарности к Хранителю и Спасителю, посвященные Ему тобой в нашей филе, разумею Палестину и тот город, из которого, как из источника, спасительное слово излилось на всех людей[47], эти трофеи победы над смертью воздвигнутые в виде молитвенных домов и храмов, эти величественные и прекраснейшие царские осуществления царской мысли, расположенные около бессмертного гроба Господня, не всем открывают причину своего происхождения. Люди, озаренные силой божественного Духа, понимают и признают ее, и за такую мысль, за такое стремление, родившееся конечно не без божественного внушения, справедливо тебе удивляются и тебя ублажают, а невежды в вещах божественных, по слепоте своей души, порицают и громко осмеивают это дело, полагая, что столь великому василевсу не прилично и не свойственно заботиться о гробах и памятниках над мертвыми телами. Не лучше ли было бы, говорят они, хранить отеческие обычаи (φυλλοττειν), и чтимых в каждой области богов и героев умилоствлять, а не презирать их, и ради таких несчастий не убежать от них? Ибо, по чувству беспристрастия, либо надобно равно боготворить и тех и Сего[48], либо, если первые, как служители человеческих страстей, должны быть отвергнуты, под такой же приговор должно подвести и последнего. Так, может быть, говорят некоторые из них, нахмутив брови, представляя себя мудрее других и желая выказать свою надменность. Но человеколюбивое Слово Всеблагого Отца, даруя прощение сим невеждам, и повсюду между народами Ойкумены: в странах и селах, в деревнях, пустынях и каждом городе учреждая училища, непрестанно приглашает всех заблудших назидаться божественными наставлениями и, как человеколюбивый Спаситель и врач душ, повелевает грекам и варварам, мудрецам и глупцам, бедным и богатым, рабам и господам, начальникам и подчиненным, нечестивым, неправедным, невеждам, бесстыдникам, хулителям, идти и спешить к божественной лечебнице. Громогласно вещая всем забвение прежних зол, Оно вопияло: приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы (Матф. 11, 28); и опять: не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние (Матф. 9, 13), и присовокупляло причину, говоря: не требуют здравии врача, но болящие; не хочу смерти грешника, но еже обратится ему (Иезек. 18,32). Поэтому, только изучивший божественные наставления и узнавший причину упомянутой заботливости, только тот сознает, что на нашего василевса действовало некое вышечеловческого внушение, будет удивляться благочестию его нрава, и уверится, что такое усердие к трофею бессмертия Спасителя родилось в нем не без Бога, но по истине через внушение Всеблагого, Которому служа, он является благим совершителем благ.

Не сомневаюсь, что тебе, великий Государь, по истине приятно и благоугодно слышать в настоящем моем слове рассуждение об основаниях и причинах боголюбивых дел твоих. Желая быть как бы истолкователем твоих мыслей и вестником богоугодной души твоей, я хочу научить слушателей всему, чему должно, чему следует научиться каждому из них, желающему знать основания силы Спасителя нашего Бога, по которым Он, искони предсуществуя и обо всем промысляя, напоследок сошел к нам с неба, по которым принял естество человеческое и решился умереть. После сего я хочу также изложить причины бессмертной жизни и воскресения из мертвых, и не только причины, но и умственные доказательства, ясные доводы для людей нуждающихся в них. Об этом именно время теперь начать нам речь свою. Те, которые честь, принадлежащую Творцу и Вседержителю - Богу всяческих, перенесли на Его творения, на солнце, луну и другие части мира, также на первоначальные стихии: землю и воду, воздух и огонь, и почтили их названием, свойственным Творцу и Создателю, именно, назвали богами то, что отнюдь никогда не существовало, что не имело бы и имени, если бы не было произведено творческим Словом Бога, те, кажется, не отличны от людей, которые, теряя из виду художника прекрасных произведений в царских чертогах, изумляются только сводам и стенам, расписанным и многоцветным на них картинам, золотым фигурам и каменным изваяниям, и этим вещи называют мудростью художника, между тем как причину удивления

надлежало бы им относить не к видимым предметам, а к одному художнику их и, признавая многочисленными произведения мудрости, мудрым считать только того, кто был причиной, сообщившей многим вещам такие свойства. Да, эти люди ничем не отличаются от детей, которые удивляются самому музыкальному инструменту — семиструнной лире, а не изобретателю ее конструкции и знатоку этой мудрости, которые не обращают внимания на человека, отличившегося в сражении мужеством, но победными венками украшают копье и щит, которые наравне с великим василевсом, виновником великого и царственного города, чтят[49] площади, рынки, здания, бездушные места общественных собраний и гимназии[50], тогда как надлежало бы удивляться не камням, а художнику этих мудрых произведений и законодателю. Так то и они, смотря на все телесными очами, должны искать причины этого не в солнце, не в луне и не в другом каком-либо небесном теле, но виной всех вещей признавать мудрость и, памятуя о Творце и Создателе их, почтение и благоговение к Нему ставить выше всего прочего. Созерцая эти самые вещи, надобно от всей души возносить славословие и поклонение Всецарю. Слову Божьему, Которое не созерцается уже телесными очами, но понимается одним светлым и чистым умом. Если и в мудром, или ученом человеке, никто никогда не приписывал мудрости его телу, например глазам, голове, рукам, ногам или другим частям, а еще менее внешнему его облачению, домашней утвари, либо необходимым [даже] философу сосудам, но каждый здравомыслящий удивляется скрытому в нем и невидимому уму, то взирая на чудные создания всего мира, как на тела, сотворенные из одной материи, тем более должны мы дивиться невидимому и бестелесному Слову - Создателю и Украстителю всего, тому однородному Сыну Божьему, Которого Творец всяческих, сущий за пределами и превыше всякой сущности, родив из Самого Себя, поставил Владыкой и Правителем вселенной.

Так как непрестанно изменяющейся сущности тел и природ только что сотворенных разумных тварей, по причине безмерного отстояния их от Всеблагого, невозможно было приблизиться к Вседержителю Богу, потому что Он есть существо нерожденное, находящееся превыше и за пределами всего, неизглаголанное, недостижимое, непостижимое, живущее, как говорит Писание, в свете неприступном, а те сотворены из ничего и весьма далеко отстоят, неизмеримо отодвинуты от природы нерожденной, то Всеблагий Бог всяческих справедливо полагает, как бы некую середину[51], божественную и всемогущую силу однородного своего Слова. Эта сила совершеннейшим и самым близким образом беседует с Отцом и, пребывая в Нем, наслаждается сокровенными Его тайнами, тем не менее однако же оно кротко снисходит и некоторым образом приспособляется к тем, которые отдалены от высоты божественной: иначе Существо за пределами и превыше всяческих было бы и непристойно и не свято смешиваться с тленной материей и телом. Посему-то Божье Слово, приобщившись всему этому и взяв бразды целого мира, ведет его бестелесной и божественной своей силой, и управляет им премудро, - как только признает наилучшим. Доказательство этого учения ясно. Именно: пусть части мира, который мы обыкновенно называем первыми стихиями, то есть, землей, водой, огнем и воздухом, и которые состоят из неразумной природы, как мы это видим собственными очами, - пусть эти части мира существуют или сами по себе, или в своем основании все имеют одно вещество, у знатоков этого дела называемое вместилищем (ουσια), материей, питательницей всего. Но так как это вещество без формы, без вида, вовсе без души и без разума, то откуда, скажите, существующая в нем гармония? Откуда разделение стихий? Откуда стечение противоположностей? Кто повелел тяжелой стихии земле - сноситься с существом влажным[52]? Кто предписал, чтобы воды, по природе падающие долу, возвращались вспять и, посредством облаков, плавали по воздуху? Кто укротил силу огня и скрыл его в дереве, растворив противоположными природами[53]? Кто смешал холодный воздух с теплотворной силой и междуособную вражду их переменял на дружбу? Кто подчинил смертный род закону преемственности и протянул жизнь его в долговечность жизни бессмертной? Кто, сотворив мужа и образовав жену, привел обоих в согласие, и для всех живущих изобрел одно начало - рождение? Кто эту влажную и содержащую семя (σπέρματιν) природу, из тленного и бесчувственного потока, сделал способной к рождению животного? Кто все это и бесчисленное множество других, превосходящих всякое изумление и удивление вещей, творит и доселе? Кто некой сокровенной и невидимой силой ежедневно и ежечасно производит рождение их? Причиной всего этого справедливо является чудотворящее Слово Божье, ибо действительно, всемогущее Божье Слово, простираясь через все, бесплотнo распространяясь горе на высоту, долу во глубину, и как бы обширными объятиями обнимая и долготу, и широту вселенной, собрало и связало целое воедино. Таким образом неразумную, аморфную и безвидную сущность тел преобразовав Само для себя в музыкальный инструмент, и соединив его в созвучные тона, Оно начало силой премудрости и разума играть на нем (εργαστήριω)[54]. По неизглаголанным законам управляя солнцем, луной и другими небесными светилами, Оно ведет их ко благу целого. Тоже самое Слово

Божье, спустившись на землю произвело различные роды (γεννη) животных и многообразную красоту растений, тоже самое Слово Божье, проникнув в глубины моря, придумало природу плавающих, и тут опять сотворило бесконечно многие и неисчислимые виды разнообразных животных. Оно же совершая свое дело в мастерской природы, дает животные формы носимому во чреве. Оно же текучую и тяжелую природу влажной сущности подняв на высоту и изменив на сладкую, низводит ее на землю понемногу, а в определенные времена изливает в изобилии[55]. Равным образом Оно же, подобно превосходному земледельцу, проводить эту влажную природу по полям и, растворив ею сухое, принаравливает ее ко всему и доставляет в ней разнородную пищу то прекрасным цветам, различным образом: то приятным запахом, то многообразием плодов, то вкусом. Но как я отваживаюсь перечислять силы Слова Божья и решаюсь на невозможное, когда Его деяния выше всякой смертной мысли? Это Слово одни называли сущностью всего, другие — душой, иные — судьбой, а те которые утверждали, что Оно есть Бог — Сущее за пределами всяческих, не знаю, как-то смешивали существа, далеко между собой не сродные: самого Правителя вселенной (πανηγεμονα), нерожденную и высочайшую Силу, низводили на землю и сливали с брэнной природой тела, назвав Его серединой между животными разумными и неразумными, смертными и бессмертными. Так мыслили они.

12. Но божественное учение говорит, что верховное благо выше всякого понятия, посему Оно невыразимо, непроизносимо и не называемо по имени, оно — вне области не только слова, но и мысли. Оно не ограничивается ни местом, ни телом, ни небом, ни воздухом и никакой частью целого, но скрывается везде и вне всего — в неизреченной глубине ведения. Божественное Писание учит признавать Его единым истинным Богом, отрешенным от всякой телесной сущности, и чуждым всякого служения. Посему и предание говорит, что все произошло из Него, однако же не через Него[56], что Он, как Царь, пребывая среди неизреченных, сокровенных, недосягаемых чертогов, и живя в свете совершенно неприступном, законодательствует и повелевает единой силой воли. По Его воле есть все, что есть, и без воли Его ничего не бывает, а Он хочет всего доброго, ибо, по своему существу, есть истинное благо. Тот же, через Которого сотворено все, — Бог Слово исходит свыше, от всеблагото Отца, как бы из вечного и беспредельного источника и, подобно реке, изливаясь неизреченными словесами, заключает в Себе полноту силы для общего спасения всех. Возьмем пример в самих себе. В нас есть незримый и невидимый ум (νους), которого не познал никто из людей, каков он в своему существе. Это как бы Царь, который, находясь в таинственных своих чертогах, один определяет, что должно делать. Из него, как из самых недр отца, неизреченным образом и ненарицаемой силой происходит едиnorodное слово, и это слово есть первый для всех вестник отеческих помыслов: оно проявляет и проповедует сокровенные определения его воли и, доводя до слуха всех его желание, осуществляет их делами. Таким образом, от слова люди получают великую пользу, а сокровенного и незримого ума, то есть отца слова, никто никогда не видывал очами. Точно так, но гораздо выше всякого подобия и примера, из Отческого Божества и царства происходит совершеннейшее Слово Всецаря Бога, как едиnorodный Сын Отца, Слово, составившееся не силой произношения, получившее природу не из слогов и речи, и обозначаемое не звуком, потрясающим воздух, но живое и действенное Слово высочайшего Бога, по существу, самосушая как бы сила Божья и Его мудрость. Как благое рождение благого Отца и общий для всех Спаситель, присутствуя везде, Оно повсюду разливает жизнь и, от собственной полноты, разумом, мудростью, светом и всеми благами орошает не только смежные и близкие к себе, но и дальние на земле, на море, или где-либо иные предметы. Оно назначает всем им самые надлежащие границы, места, законы, жребии, и с царской щедростью разделяет и доставляет каждому все полезное: одним дает в жилище надмирные своды (υπερκοσμων ουδας), другим самое небо (ουρανου), иным область эфира (αιθεριους διατριβας), тем воздух (αερα), а некоторым землю (γην); потом оттуда переносит их на другое место, и награждает жилищем на основании надлежащего суда о жизни, нравах и поступках каждого. Оно печется о пище не только для творений разумных, но и для животных бессловесных, служащих на пользу тварям разумным, и одним доставляет наслаждение жизнью смертной, кратковременной, а других делает причастниками бессмертной. Все это совершает Оно, как Слово Божье, повсюду присутствуя и разумной силой во все проникая. Взвизывая к своему Отцу горе, Оно Его волей объемлет долнее, и по значению общего всех Спасителя, согласно с ней всем управляет. Как бы некоторый посредник и руководитель сущности рожденной к Нерожденному, это посредствующее Слово Божье есть некая нерасторжимая цепь, связующая между собой предметы отдаленные и не допускающая их отпасть один от другого. Оно — всеобщий Промысел, Оно — попечитель обо всем и исправитель всего, Оно — сила Божья и Божья премудрость, Оно — едиnorodный Бог, от Бога рожденное Слово. В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово. Вся тем быша, и без него

ничтоже бысть, еже бысть (Иоан. 1, 1). Так учит священное Писание богословов. Божье Слово есть общий всех вертоградарь (φωτοϋργος), при содействии Которого растет и зреет всякое существо и, непрестанно Им поливаемое, получает всегда новую свежесть и самую благолепную красоту. Приняв бразды вселенной, Оно вечно шествует по мановению Отчому, и согласно с ним управляет великим кораблем целого мира.

Родив такого прекрасного Художника, едиnorodного Сына, как благой плод, сущий превыше всего Бог Отец даровал в Нем миру величайшее благо, потому что бездушному телу, неразумной телесной природе сообщил душу — свое Слово, и сущность аморфную, безвидную, бездушную и необразованную озарил и воодушевил божественной Его силой. Его-то должны мы признавать и на Него-то взирать, как на Существо, везде проникающее материей и стихии тел, и все животворящее, как на свет и духовное рождение неизреченного Света, как на единое бытие, сущее от единого Отца, но заключающее в себе многие силы. Ведь если много частей мира, то отсюда еще не следует, что над ним много властей, и если в нем много тварей, то по этому еще нельзя признавать бытия многих богов. Чада многобожия, будучи в душе детьми, впали в страшное заблуждение, обоготворив части вселенной и разделив единый мир на многие. Если бы, например, кто у одного человека взял отдельно глаза и назвал их человеком, а потом уши — другим человеком, и тоже бы сделал с головой, шеей, грудью, плечами, руками, ногами и прочими членами, если бы таким же образом раздробил он в уме и силы чувств и наименовал много человек вместо одного, то через сие не подвергся бы ничему иному, как смеху людей умных над его глупостью. Таков и тот, кто из частей одного мира делает себе бесчисленных богов, или думает, что этот сотворенный и состоящий из многих частей мир есть сам Бог: он не понимает, что Божественная природа не может делиться на части. Если бы она была сложной, то имела бы нужду в другом существе — в слагателе ее, и если бы была многочастной, то уже не Божественной. Да и как ей существовать, состоящей из частей несходных и различных, худших и лучших? Нет, как простая, несчастная и несложная, она превыше всякого видимого в мире построения. Посему-то провозвестник[57] истины громогласно взывает и говорит почти так: Слово Божье существовало прежде всего, и одно было Спасителем всех разумных творений, а Бог превыше всего: Он есть рождающее начало Слова, и как единственный виновник всяческих, должен быть называем Отцом собственно в отношении к едиnorodному своему Сыну, Сам же не признает над собою никакой высшей причины, посему Сам Он есть единый Бог, и из Него происходит одно едиnorodное Слово Бога, Спаситель всех, проходящий через все. Чувственный мир подобен многострунной лире. Как она составлена из неравных струн — высоких и низких, спущенных, натянутых и средних, и все они настроены искусством музыканта, так точно и мир, будучи многосложным и составленным из многих частей: из холода и противоположного ему жара, из влаги и противоположной ей сухой сущности, соединяется в одну гармонию и может быть назван органом, великим произведением великого Бога. Но Слово Божье не состоит из частей и не составлено из противоположностей, Само несчастное и несложное, Оно всесовершенно и премудро возбуждает звуки в целом, и своему Отцу, Всецарю возносит должную и достойную Его песнь. Как в одном теле соединены части и члены, множество верхних и нижних внутренностей, но по всем ним распространяется одна невидимая душа и один нераздельный и бесплотный ум, так и здесь, — единый мир состоит из многих частей, но одно многосильное и всемогущее Слово Божье проходит по всем ним и, верно простираясь всюду, становится в них причиной целого. Разве ты не видишь всего мира собственными очами? Как в нем, одно небо объемлет многочисленные сонмы обращающихся вокруг себя звезд, и опять, одно солнце ведет за собой много других и, избытком своего света помрачает сияние всех их: так и здесь, когда один Отец, то у благого Отца должно быть и единое благое Его Слово. А почему же не много их, возразит кто-нибудь с негодованием, равно как, почему не много солнц, лун, миров, — и предложит вопреки другие бесчисленные вопросы, стараясь, подобно безумному, ниспровергнуть правильный и благоустроенный порядок природы? Потому, что как в видимой природе, одно солнце озаряет весь чувственный мир, так и в духовной, невидимо и непостижимо для нас, одно всеильное Слово Божье просвещает всех. Да и в человеке, одна душа и единая разумная сила бывает в одно время совершительницей многих дел: многознающая, она учит и земледелию, и кораблестроению, и мореплаванию, и домостроительству. Равным образом один человечески ум и смысл может принимать многочисленные познания: может заниматься и геометрией, и астрономией, может преподавать правила и грамматики, и риторики, и медицины, может быть прилежным не только в науках, но и в ремеслах. При всем том, никто никогда не думал, что в одном теле много душ, и по многочисленности принимаемых познаний, никто не удивлялся в человеке многим сущностям. Если бы кто-нибудь взял безобразный кусок глины и, размягчив его руками, придавал ему образ животного, то есть, по правилам ваяния, в одном виде изобразил бы голову, в другом — руки и ноги, в ином — глаза, щеки, уши, уста, ноздри, грудь и плечи; то хотя в одном теле

произвел бы он и много форм, частей и членов, никто однако же не подумал бы, что столько же было и художников, но всякий художником целого произведения тотчас признал бы одного и воздал бы ему похвалу, что одним умом, одной силой мысли он произвел все. Так надобно рассуждать и обо всем мире, хотя он, сам по себе единый, состоит и из многих частей; однако же в нем не следует предполагать много творческих сил и нарицать многих богов, но под именем Бога, должно исповедывать одну премудрую и в высшей степени гармоническую, истинно Божью силу и Божью премудрость, которая единым могуществом и единой крепостью всюду проходит, во всем мире обитает, все поддерживает и оживляет, которая и вообще всему целому, и в частности, всякому телу и стихии доставляет разные от себя благодеяния. Так один и тот же луч солнца вдруг, в одно время, озаряет воздух, освещает глаза, согревает осязание, оплодотворяет землю, умножает растительность, определяет время, ведет звёзды, обходит небо, веселит мир, доставляет всему действительную силу Божью, и все это совершает одним стремлением своей природы. Такова и природа огня: она очищает золото, расплавляет свинец, распускает воск, сушит глину, сжигает дрова, и все это производит одной палящей силой. Так и всевышний Царь, Божье Слово: Оно через все проходит, во всем пребывает, все пронизывает: небесное и земное, и управляя как невидимым, так и видимым, мистическими своими силами указывает пути самому солнцу, небу и целому миру. Действительно, присущее всему и проходящее через все, Оно из собственного источника изливает вечный свет на солнце, луну и звезды и, представляя небо естественнейшим подобием своего величия, во веки владевает над вселенной. Оно из собственной сокровищницы оживотворяет жизнью и светом, мудростью и всякой добродетелью, всем добрым и прекрасным превышшенебесные и надмирные силы ангелов и духов, мыслящих и разумных существ. Одним и тем же творческим искусством не перестает Оно сообщать стихиям сущности, а телам смешение, сочетания, виды, формы, очертания и бесчисленные качества, бесконечно разнообразя их в животных и растениях, в душах разумных и неразумных, единой силой доставляя всем все, и ясно показывая, что произведение единого творческого Слова есть не семиструнная лира, но полный многообразной гармонии мир.

13. Теперь покажем и объясним причину, по которой таковое Божье Слово снизошло к человекам. Безумные люди не размыслили, что Оно имеет власть на небе и на земле, что Оно родилось из высочайшего Отчего божества, как бы из самого источника, а потому всегда присуще миру, и что Оно являет ясные знаки своего промысления и попечения о людях, не размыслили об этом, и досточтимое имя Бога приложили к солнцу, к луне, к самому небу и звездам. И тут не остановились, но обоготворив земную природу, земные плоды и различные роды телесной пищи, сделали себе идолами Деметру, Кору, Диониса и других, подобных им. И на этом еще не остановились, но вздумали назвать богами самые помыслы своего ума и выражающее их слово, и свою мысль назвали Афиной[58], а слово Гермесом[59], силы же, через которые приобретаются познания, наименовали Мнемозиной[60] и Музами[61]. И тут не остановились, но возрастая более и более в постыдном нечестии, обоготворили даже собственные страсти, от которых надлежало отвращаться, и которые надобно было исцелять воздержанием, и самое свое пожелание, страстную и необузданную болезнь душ, также части и члены тела, влекущую к срамным делам и постыдным удовольствиям, наименовали Эротом[62], Приапом[63], Афродитой[64] и другими сродными сим именами. И на этом еще не остановились, но смотря только на рождение тел и привязавшись только к смертной жизни, обоготворили подверженных смерти людей и, после обыкновенной кончины их, дали им имена героев и богов, в том предположении, что бессмертная божественная сущность бродит около могил и гробниц. И тут не остановились, но святое имя Божье присвоили также различного рода бессловесным животным и самым ядовитым пресмыкающимся. И на этом еще не остановились, но обделывая дубы, обтесывая камни, выкапывая из земли металлы, медь, железо и другие вещества, делали из них изваяния (τύπος) жен, изображения мужей, формы зверей и пресмыкающихся, и стали поклоняться им. Даже и тут не остановились, но то же имя богов приложили и к лукавым демонам, которые, скрываясь в идолах и мрачных ущельях, лакомятся жертвенными возлияниями и куреньями. И тут не остановились, но какими-то чарами запретного волшебства, беззаконными и заклинательными песнями и наговорами привлекли к себе в помощники темные, летающие в воздухе силы и обоготворили одни тех, другие других смертных людей. Сыны эллинов почтили наименованием героев и богов Диониса, Геракла, Асклепия, Аполлона и некоторых других мужей[65], египтяне назвали богами Гора[66], Исиду[67], Осириса[68] и подобных им, которые тоже были людьми. По богатству мудрости, хвалясь изобретением геометрии, астрономии и арифметики, эти мудрецы сами по себе не умели и не могли ни взвесить, ни рассчитать, в какой мере сила Божья отличается от природы смертной и неразумной, а потому не усомнились наименовать богами всех отвратительных чудовищ, всякого рода животных, ядовитых, пресмыкающихся и диких зверей.

Финикийцы называли богами Мелькаеароса (Μελκοθαρον)[69], Сороса (Ουσωρον)[70] и других смертных, бывших некогда людьми самыми бесчестными, арабы — какого-то Дусариса (Δουσαρις)[71] и Овдоса (Οβδον)[72], геты — Замолксиса (Ζαμολξις)[73], киликийцы — Монсиоса (Μονσιον), фиванцы — Амфиарая (Αμφιαρεω)[74], вообще, одни обоготворили тех, другие других, несколько не изменивших смертной своей природы и бывших просто людьми. Все же вместе — египтяне, финикийцы, эллины и прочие освящаемые лучами солнца смертные воздавали божеское почтение и разным частям мира, и стихиям, и произрастающим из земли плодам. А что еще удивительнее — признавая своих богов нарушителями целомудрия, мужеложниками, похитителями жен, поклонники их, тем не менее, наполняли все города, селения и деревни храмами статуями и жертвенниками и, подражая примеру богов, губили свои души. Судя по их словам, как случается слышать, боги и дети богов — герои суть демоны добрые, а на деле выходило совершенно противоположное, ибо противоположное они украшали противным, подобно тому, как если бы кто, желая указать другому на солнце и небесные светила, не поднимал очей вверх, но протягивал руки вниз, к земле, опускал их на пол, и небесных сил искал в пыли и грязи. Таковы-то именно этого рода люди: по своему безумию и оболъщению злых демонов, они верят, что находящееся превыше небес (ετερκεινω ουρανω) и над миром, духовное существо Божье пребывает где-то долу, в рождении тел, в страстях и разрушении смертных. Они дошли до такого безрассудства, что в жертву богам приносили даже самое милое, — что в неистовстве и исступлении, не щадя природы, закалали даже единокровных и любимых детей. А может ли быть что-либо безумнее, как приносить в жертву людей, и все города, все свои дома осквернять кровью соплеменников? Между тем, не свидетельствуют ли об этом сами сыны эллинов, и памятниками этого не наполнена ли вся их история? Финикийцы каждый год приносили любимое и единокровное дитя в жертву Кроносу[75], ему же в шестой день месяца Метагитиона[76] закалали людей и на Родосе; а в Саламине, в одном храме аргонидской Афины и Диомеда[77], какой-либо преследуемый человек обегал трижды вокруг жертвенника, и потом жрец, пронзив ему копьем чрево, сжигал его на горящем костре. Много таких человекоубийств происходило и в Египте: в Гелиополе, например, ежедневно приносили три человеческие жертвы, пока, узнав об этой жестокости, царь Амосис[78] не приказал заменять их столькими же восковыми изображениями. На острове Хиос жертвоприношение омадийскому[79] Дионису состояло в расчленении человека, тоже делалось и в Тенедосе[80], да и в Лакедемоне[81] жертвой Ареса[82] бывал также человек и на Крите совершали подобные человекоубийства в честь Кроноса[83], а Афине сирийская Лаодикия[84] ежегодно приносила в жертву деву, которую теперь заменяют ланью[85]. Равным образом, человеческими же жертвами умиловивляли своих богов ливийцы и карфагеняне[86], да и думатинцы[87] в Аравии всякой год закалали в жертву отрока и погребали его под жертвенником. Сверх того история свидетельствует, что все вообще эллины, перед выступлением в поход, приносили в жертву людей[88], тоже делали фракийцы и скифы[89], а афиняне упоминают о принесенных в жертву дочерях Леоса[90] и Эрехтея[91]. Да и ныне, кто не знает, что в великом городе, (т. е. Риме) в праздник латриарского Зевса закапывается человек[92]? Справедливость этого засвидетельствовали и известнейшие философы. Диодор[93], сделавший сокращенное описание библиотек, говорит, что ливийцы, торжественно приносили в жертву Кроносу двести благороднейших отроков, и к этой жертве присоединяли не менее трехсот других. А писатель римской истории Дионисий[94] повествует, что в Италии именно сами Зевс и Аполлон требовали себе человеческих жертв от так называемых аборигенов (αβοριγνηων), и что те, которых касалось это требование, приносили богам часть всех плодов, а если они не приносили в жертву людей, за то подвергались различным бедствиям, и до тех пор не видели конца злу, пока не обрекали себя на десятину умертвив же и принеся жертву десятого из людей, были причиной запустения своей страны. Столькими-то бедствиями пожирался прежде весь род человеческий! Однако зло этим не ограничилось, он подвергался и другим бесчисленным и самым тяжким страданиям, потому что все народы Ойкумены, - греки и варвары, как бы возбуждаясь демонской силой, мучились страшной и самой жестокой болезнью. Люди не имели никакого взаимного общения и сношения, там и здесь, растерзав общую природу великого тела, они разошлись по отдельным углам земли и враждовали между собой при помощи законов и политических учреждений. Мало того, они начали свирепствовать одни на других сильными разбоями, так что всегда и всю жизнь проводили в сражениях и войнах, поэтому никто не смел выезжать из дома, не вооружившись по-неприятельски; даже земледельцы, в полях и селениях носившие мечи[95], старались более в деле приготовления себе оружия, нежели земледельческих орудий, и считали подвигом добродетели ловить и поработать соседей. И этого мало, в памятниках, составленных ими о своих богах, заимствуя повод к постыдной и незаконной жизни, они растлили свои тела и души всеми родами невоздержания. И этого мало, преступив уставы природы, они

простерлись за пределы невыразимой срамоты, и совершали над собой дела, до невероятности бесстыдные: мужи на мужех студ содевающе, и возмездее, еже подобаше прелести их (жен), в себе восприемлюще (Рим. 1,27), как говорит священное Писанне. И этого мало, извратив в себе естественные понятия о Боге, они думали, что все здесь происходит без промысла и попечения Божьего, а потому бытие и состояние мира приписали слепому случаю и неизбежному року. И этого мало, предположив, что их души уничтожатся вместе с их телами, они проводили жизнь зверскую и чуждую жизни, и не исследуя сущности своих душ, не ожидали ни оправдания на суде Божьем, ни награды за добродетель, ни наказания за жизнь несправедную. Многообразными видами зла и зверства поработаны были уже и целые народы: одни имели преступное и самое беззаконное соитие со своими матерями, другие женились на своих сестрах, иные растлевали своих дочерей[96], некоторые убивали приходивших к ним иностранцев[97], те питались человеческой плотью, эти, удавив веревкой старцев, съедали их[98], либо еще живыми бросали псам. У меня неостанет времени для исчисления всех зол древней, обладавшей человеческим родом болезни. Таких и подобных им зол было бесчисленное множество.

Посему-то человеколюбивое Слово Божье, жалея о разумном человеческом стаде, и в древние времена, через своих пророков, а еще прежде, через других боголюбивых мужей, и позднее, через позднейших известных лиц, призывало отступников к своему служению и полагало между людьми самые основания и начала богопочтения посредством законов, разных увещаний и всякого рода учения. Но так как смертный род, всюду обольщаемый и нещадно терзаемый не волками и дикими зверями, а страшными и свирепыми демонами, неистовыми и душегубительными духами, имел нужду уже не в человеческой силе, но в лучшей и вышечеловеческой помощи, то, повинувшись воле всеблаготворного Отца, со всей готовностью снизошло к нам и явилось между нами само Слово Божье. Значит, причина Его пришествия к нам была именно той, о которой мы сказали. Поэтому-то всему пришло Оно беседовать со смертными и совершило то, что не входило в обыкновенную Его деятельность, ибо, будучи бестелесным, Оно проходило невидимо весь мир, и самым делом показало свое величие как небесным, так и земным тварям, а теперь обыкновенный свой образ деятельности заменило новым, теперь, решившись смертного спасти смертным, вступило в беседы и сношения со смертными посредством смертного организма.

14. После сего выскажем, почему бестелесное Слово Божье вступило в сношения с людьми, восприняв органическое[99] тело (οργανω σωματι). А как бы иначе божественное, неосязаемое, бестелесное и незримое Существо могло явиться человекам, когда, ища Бога в бытии и на земле, они и не могли, и не хотели Родителя и Творца всяческих зреть иначе, как в человеческом образе (σχηματος) и виде (ειδος)? Итак, Оно вступило в беседу с смертными при помощи смертного организма - тела потому, что это было им приятно ибо подобное подобному нравится, говорит пословица. Людям смертным, которые увлекаются видимостью и ищут богов в образах и в виде бездушных идолов, которые воображают, что Божество пребывает в материи и теле, и богами называют смертных, этим людям Божье Слово таким и показало Себя. Оно уготовало Себе телесный организм, как всесвятой храм, как чувственное жилище разумной силы, как благочестивое и всесвятое изображение, превосходящее достоинством всякого неодушевленного идола: ибо идол есть статуя, сделанная руками ремесленников из бездушного вещества например, из меди, либо железа, из золота, либо слоновой кости, из камней, либо дерева, и в качестве сделанной из материи, весьма естественно бывает жилищем демонов, а изображение, одушевленное Богом и украшенное силой бестелесной божественной мудрости, есть изображение, причастное жизни и разумной сущности, изображение, исполненное всякой добродетели, изображение, служащее жилищем Слова Божьего, святым храмом святого Бога. Обитая в нем, слово Божье, через это сродное смертным изображение, жило с ними и было познано от них, однако же, не подверглось их страстям, не связывалось телом, как душа человека, и не делаясь ниже самого себя, не утратило своей божественности. Если и лучи солнечного света, наполняя все и прикасаясь к мертвым и нечистым телам, нисколько не терпят от этого, то бесплодная сила Слова Божьего, бестелесно прикасаясь к телу, еще тем менее пострадала в существе своем, тем менее потерпела ущерб и сделалась ниже самой себя. Таким образом, общий для всех Спаситель, приняв организм человеческого тела, всем даровал, блага и спасение, подобно тому, как музыкант посредством лиры, всем показывает свою мудрость. Эллинская мифология говорит, что Орфей[100], ударяя плектром[101] по струнам музыкального инструмента, очаровывал своей песнью всякого рода зверей и укрощал ярость диких животных. В эллинской земле воспевают также и верят, что бездушная лира внушает зверям кротость, и что, повинувшись музыке, деревья изменяют свои плоды. Но наимудрейшее и в высочайшей степени прекраснейшее и гармоническое Слово Божье, различным образом врачующее человеческие, подверженные разнородному злу души, восприняло в свои

руки, как бы музыкальный инструмент творение своей мудрости — человека, и посредством его начало бряцать свои чудесные песни уже не бессловесным зверям, а разумным существам. Этими песнями, или врачевствами божественного учения, Оно исцелило вся-кую дикость в нравах эллинов и варваров, все неистовые и зверские страсти их душ, и как отличнейший врач, болящим душам, искавшим Бога в рождаемости и телах, представило Его, посредством сродного и приличного пособия, — в человеке. Потом, заботясь столько же о теле, как и о душе, Оно явило телесным очам некоторые необычайные и дивные дела, божественные чудеса и силы, а телесному слуху, посредством плотского языка, сообщило учение. И все это совершило Оно, через воспринятого им человека для тех, которые не иначе, как только в сем виде, могли познать Его божественность. И этим служило Оно воле своего Отца, Само опять оставшись невещественным, каким было у Него и прежде, не изменив сущности, не лишившись своей природы и не стеснившись узами плоти, так что принятый Им человеческий для сношения с людьми сосуд не препятствовал Ему быть и в других местах Ойкумены, так что, живя между людьми, Оно в тоже самое время наполняло Собой все, и находилось с Отцом, а, находясь с Отцом, в тоже самое время имело попечение обо всех небесных и земных тварях. Ему, не так как нам, ничто не возбраняло присутствовать везде, ничто не препятствовало совершать дела, свойственные Божеству. Передав (воспринятому) человеку свое из Себя, Оно взамен ничего не взяло из его смертности, и сообщая смертному божественную силу, взамен ничего не получило от соединения с ним. Посему, Оно не сквернилось, когда родилось тело, и не страдало своим существом, когда смертное Его разрушалось. Ведь и игрок, вероятно, ничего не притерпит, если случайно разобьется его лира, или разорвутся на ней струны равным образом, мы без сомнения не скажем, что наказывается мудрость мудреца, когда наказывается его тело, или подвергается побоям, либо сжигается его душа, когда бьют, либо сжигают его тело. Но еще больше права говорить, что от телесных страданий не потерпела никакого вреда сила Слова. Впрочем, и пример света не позволял нам утверждать, что лучи солнца оскверняются, падая с неба на землю и касаясь пыли, грязи и всякой нечистоты. Нам ничто не мешает сказать, что и эти предметы озаряются сиянием света, однако сей свет не пылится и сие солнце от прикосновения к телам не пачкается, не смотря на то, что оно не чуждо природы. А спасительное и бесплодное Слово Божье, будучи Само по себе жизнью и Само по себе духовным светом, даже таково, что к кому божественной и бестелесной силой Оно прикасается, тот необходимо живет и пребывает в разумном свете, равно как и тело, которого Оно коснулось, становится святым и просвещенным, немедленно освобождается от всякой болезни, немощи и страсти, и за свое лишение вознаграждается из Его полноты. Посему-то всю жизнь на земле провело Оно так, что иногда показывало подобострастие телесного своего организма с нашим, а иногда являло Себя Словом Божьим, совершая дела великие и дивные, как Бог, и произнося предсказания о будущем. Многим, не видевшим Слова Божья Оно показало Себя самыми делами, именно необычайными явлениями, чудесами, знамениями, дивными силами и самым божественным учением, которое приготавливало и руководило души горе, в принебесное жилище.

15. Что же остается после этого? Показать, ка-кова причина того, что во всем есть самое главное, разумею общеизвестный конец жизни Спасителя и образ Его страданий, как великое чудо воспоминания о Нем по смерти, рассмотрев же это, утвердить все доказательствами посредством ясных свидетельств. Итак, по вышеизложенным причинам, пользуясь смертным организмом, как достойным Бога образом, и подобно великому Царю, проводя с ним человеческую жизнь, как с толкователем (ερμηνεο), Спаситель совершил все достойно божеской силы. Если бы, пожив с человеками, Он как-либо иначе сделался невидимым и удалился, если бы, например, тайно скрыл своего толкователя и постарался бегством избавить свой образ от смерти, а после уже когда-нибудь Сам собой предал бы смертное тлению и уничтожению, то для всех показался бы привидением. Тогда не совершил бы Он того, что Ему подобало, ибо будучи жизнью, Божьим Словом и Божьей силой, предал бы тлению и уничтожению самого своего толкователя. Тогда и подвиги Его против демонов не закончились бы победой над смертью, тогда не знали бы, куда Он удалился и не уверовали бы в Него невидевшие, тогда по естеству Он не явился бы выше смерти, и собственным естеством не освободил бы смертного тогда не пронесся бы о Нем слух по всей Ойкумене, и ученики Его не решились бы презирать смерть, тогда слышавшим свое учение Он не внушил бы надежды получить жизнь от Бога и по смерти, и не исполнил бы своих обетований — не представил бы событий, согласных с предсказаниями о Нем пророков, — и все от того, что не вступил бы в последнюю борьбу, то есть в борьбу со смертью. По этим-то всем причинам, непременно требовавшим, чтобы смертный организм, достаточно послужив Слову Божьему, получил достойный Бога конец, по этим-то причинам и устроилась Его смерть. Оставалось одно из двух: или все предать тлению и уничтожению, и таким образом окончить жизнь постыднее всякой драмы, или явиться выше смерти, и божественной силой сделать смертное бессмертным. Но первое было не сообразно с Его обетованием, огню несвойственно

производить холод, а свету — тьму, равно как жизни несвойственно умерщвлять, а божественному разуму — действовать неразумно. В самом деле, какой был бы разум - другим обещать жизнь, а собственный организм предоставить тлению и собственный образ предать уничтожению, прилепившихся к себе обручать бессмертию, а истолкователя своего божества разрушить смертью? Итак требовалось второе, т.е. явить себя выше смерти. Как же надлежало сделать это? Тайно ли и скрытно, или торжественно и перед всеми? Но подвиг, совершенный тайно, во мраке, никем не был бы узан и никому не принес бы пользы, тогда как произведенный громко, во всеуслышанье, своей чудесностью доставляет пользу каждому. Если же организму надлежало восторжествовать над смертью, и это должно было сделаться не скрытно, а пред очами людей, то (Спаситель) и не убегал от смерти, иначе Его сочли бы робким, стоящим ниже, чем смерть. Через свою борьбу со смертью, как с противником, смертное явил Он бессмертным, потому что в эту борьбу вступил за жизнь, бессмертие и спасение всех. Если бы кто захотел доказать нам, что известный сосуд не сжигаем и выше огня, то не иначе представил бы это чудо, как бросив сосуд в огонь, и потом вынув его из огня целым и невредимым: точно так и всеживотворящее Божье Слово, восхотев доказать, что смертный, принятый Им для спасения людей организм выше смерти и причащен Его жизни и бессмертию, пожелало для пользы подвергнуться обычной участи. Оставив на короткое время тело и, для обнаружения своего естества, смертное предав смерти, Оно вскоре опять отняло его у смерти, явило предметом божественной силы и через Него открыло, что проповеданная Им вечная жизнь выше всякой смерти. Причина ясна и очевидна: так как Его ученикам нужно было видеть собственными очами несомненное возрождение жизни по смерти, ибо Оно учило их куда возносить свои надежды и внушало им, что сии надежды — выше смерти, то вот и дало им видеть это собственными очами. Желавшим посвятить себя благочестивой жизни надлежало это первое, самое необходимое из всех учение принять духовным зрением, особенно когда они должны были проповедать Его по всей Ойкумене, и боговедение (θεογνωσία), преподанное Им Самим всем народам, распространить между всеми людьми. Ученикам Спасителя нужно было получить самое твердое убеждение в жизни загробной, чтобы безбоязненно и не страшась смерти вступать в борьбу с заблуждением многобожных язычников. Не научившись презирать смерть, они не были бы готовы подвергаться опасностям. Посему-то, вооружая их против могущества смерти, Оно передало им это учение не в словах и звуках, и не человеческими словами, подбирая их по законам вероятности для показания бессмертия души, но самым делом совершило победу над смертью. Вот первая и важнейшая причина, по которой Спаситель наш вступил в брань против смерти. Он показал своим ученикам, что страшная для всех смерть есть ничто, и обетованную Им жизнь представил ясно на их глазах, сделав ее началом нашей надежды, нашего бессмертия и жизни у Бога.

Другой причиной воскресения могло быть намерение Спасителя — показать обитавшее в Его теле божеское могущество. Так как прежде люди боготворили смертных, побежденных смертью мужей, называя героями и богами тех, которых смерть одолела то человеколюбивое Слово Божье, кстати, явило Себя и потом показало людям природу выше смерти, ту природу, которая смертное, по отрешении его, ведет к другой жизни и дает всем видеть трофеем бессмертия над смертью, которая научает исповедывать единого и в самой смерти истинного Бога, пожавшего плоды победы над ней. Могу указать тебе и третью причину спасительной смерти. Спаситель был жертвой высочайшему Всецарю Богу за целый человеческий род, жертвой, принесенной за все стадо людей, жертвой, прогнавшей демонское заблуждение. В самом деле, как скоро эта одна жертва, — великое благоухание пресвятого тела Спасителя нашего, была заклана за человеческий род и принесла душу за души всех народов, связанных дотоле нечестием демонского заблуждения, нечистая и скверная сила демонов совершенно рушилась, всякий земной и обольстительный обман тотчас обнажился и исчез. Так-то взятое от людей спасительное благоухание, — самый телесный организм Слова, — сделалось жертвой за целое человечество. Это и была та обреченная на смерть жертва, о которой гласит Священное Писание в одном месте так: се Агнец Божий — возьми грехи мира (Иоан. 1, 29), в другом — следующим образом: яко овца на заклание ведется, и яко агнец пред стригущим его безгласен (Ис. 53, 7). Показывает оно и причину, говоря: сей грехи наша носит и о нас болезнует: и мы вменихом его быти в труд и в язвы и в озлоблении, Тойже язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша. Наказание мира нашего на Нем язвою его мы исцелехом: вси яко овцы заблудихом: каждый от пути своего заблуди. И Господь предаде его грехами нашими (Ис. 4-16). По этим-то причинам заклан был человеческий организм Слова Божего. Но сей великий Архиерей, принесенный в жертву Владыке и Всецарю Богу, в тоже время был и отличен от жертвы, как Слово Божье, как Божья сила и Божья Премудрость, Он вскоре смертное воззвал от смерти и представил его Отцу в начаток общего нашего спасения, воздвиг его за всех людей, в виде победного трофея над смертью и демонскими полчищами, в виде силы, отвращающей человечество от древних

человеческих жертв.

16. А когда так, то время перейти и к доказательствам, если только истина сказанного требует доказательств и свидетельства нужно подтверждать очевидными делами. Итак, выслушай благосклонно мое слово и прими доказательства. Все древние на земле народы жили раздельно, и весь человеческий род делился на епархии, народоначалия (εθνάρχιας), местоначалия (τοπαρχιας), тирании и многоначалия (πολυαρχιας), от этого противоборство и войны не прерывались, без опустошения полей и порабощения городов никогда не обходилось. А отсюда — тысячи предметов для истории, отсюда — примеры любодеев и похищения женщин, отсюда — бедствия Илиона[102] и припоминаемые всеми людьми трагедии древних. И ты не погресишь, если причиной этого признаешь многобожие. Но после того, как спасительный организм, — само пресвятое тело Христово, явилось выше всякой деятельности демонского обмана и показало себя на словах и на деле чуждым его бедствиям, после того, как оно вознеслось победным, отвращающим древнее зло трофеем над демонами, — все дела демонов тотчас разрушились: с того времени не стало уже ни местоначалий, ни многоначалий, ни тираний, ни демократий, а вместе с тем прекратились и происходившие от них опустошения и порабощения городов, осада деревень и областей, с того времени всем начали проповедывать единого Бога, для всех расцвело и одно римское царство, и от века неутолимая и непримиримая вражда между людьми мгновенно угасла. Когда же всем людям преподано было познание единого Бога и показан один образ благочестия — спасительное учение Христово: когда в одном царстве, в одно и то же время находящемся под владычеством одного римского правителя, все начало наслаждаться глубоким миром, тогда вдруг, как бы по мановению единого Бога, произросли для людей две отрасли добра: римское царство и учение благочестия. В самом деле, до этого одни независимо владели Сирией, другие царствовали над Азией, иные над Македонией, те отделили себя и держали Египет, эти подобное сделали с Аравией. Даже и Палестиной владело поколение иудейское. Вообще, по селениям, по городам и во всяком месте люди, будто в каком-то помешательстве и поистине беснуясь, занимались войнами и сражениями, и умерщвляли друг друга. Но две, как бы из одного источника произошедшие, великие силы мгновенно все умиротворили и привели в содружество. Эти силы были: римское царство, явившееся с тех пор монархическим, и учение Христово, и обе они расцвели вместе, в одно и то же время. Сила Спасителя нашего сокрушила многоначалие и многобожие демонов и всем людям, эллинам и варварам, даже до последних земли (Деян. 1, 8), проповедала единое царство Божье, а римская империя, уничтожив сперва причины многоначалия, спешила все племена привести к единению и согласию и взяла себе независимые дотоле епархии. Много различных народов уже вошло в ее пределы но она намерена, насколько возможно, коснуться пределов самой Ойкумены, тем более, что спасительное учение, божественной силой, уравнивает и успокоивает пред ней все. В самом деле, людям, размышляющим с любовью к истине и не порицающим добра из зависти, это должно казаться великим чудом: в одно и то же время и обличен обман демонов, и погашена вечная вражда и борьба народов или еще, в одно и то же время и проповедан всем единый Бог, единое о Нем ведение, и утверждено над людьми одно царство. Весь человеческий род настроился к миру и дружелюбию, все стали признавать друг в друге братьев и уразумели собственную природу. Рожденные, то есть, как бы от одного Отца, — единого Бога, и от одной матери, — истинного благочестия, все начали миролюбиво ответствовать и принимать друг друга: так что с того времени целая Ойкумена ничем не отличается от одного богомыслящего семейства, или родственного круга, с того времени всякий, кто хотел, мог совершенно спокойно отправляться в дорогу и путешествовать, куда было угодно: одни могли безопасно переезжать с запада на восток, другие отправляться отсюда туда, как в свое собственное отечество. Исполнились древние прорицания, вещания пророков и тысячи других предсказаний, которые приводить теперь не время, а вместе с тем исполнилось и следующее пророчество о спасительном Слове: обладает от моря до моря и от рек до конец вселенныя (Пс. 81, 8); также: возсияет во днх его правда и множество мира (ст. 7), и: раскуют мечи своя на орала, и копия на серпы, и не возмет язык на язык меча, и не навькнут к тому ратоватися (Ис. 2, 4). Это было предсказано и за несколько веков предвозвещено на еврейском языке, это же является перед нами на самом деле и подтверждает свидетельства древних изречений. А если желаешь больше доказательств, — находи их не в словах, а в делах. Открой очи своего ума и раствори двери мысли, рассуди с большим вниманием в душе своей и, как бы для исследования природы вещей, вопрошая кого-либо другого, вопросы самого себя: какой царь или властелин, философ или законодатель, пророк эллинский или варварский достигал когда-нибудь такого могущества, не говорю уже по смерти, даже при жизни, во цвете своей силы, что славой своего имени наполнил язык и слух всех живущих на земле людей? Этого не сделал никто, это, после победы своей над смертью, совершил один Спаситель наш, сказав нечто своим ученикам и

свое слово оправдав делом. Шедше, научите вся языки во имя Мое (Матф. 28, 19) - говорил Он им и, предрек, что Его Евангелие должно быть проповедано в целой Ойкумене во свидетельство всем языкам, к своему слову присоединил и дело; ибо вскоре, спустя немного, Его учением наполнилась вся Ойкумена. Что скажет на это порицавший нас в начале речи? Что скажет он, когда есть свидетельство очей, которое сильнее всякого слова? Кто невидимой и сильной рукой изгнал из человеческого общества вредоносный и губительный род демонов, которые издревле, подобно страшным зверям, терзали человеческую природу и, посредством идолов, совершали между людьми много волшебства? Кто, как не наш Спаситель, преподав любомудрие проводящим чистую и безукоризненную жизнь людям, даровал им власть изгонять из людей остатки злых духов, через призывание Его имени в святых молитвах, воссылаемых через Него к Богу всяческих? Кто, как не один наш Спаситель, научил своих почитателей совершать бескровные и разумные жертвы через молитвы и посредством мистического богословия? Для этого именно во всей Ойкумене сооружены жертвенники и воздвигнуты храмы церквей, в которых все народы во славу единого Всецаря Бога совершают боголепное служение мысленных и разумных жертв. А жертвы, приносимые в виде крови, кровавой смеси и дыма, а это жестокое и неистовое убийство и приношение в жертву людей, кто сокровенной и невидимой силой угасил и окончательно уничтожил? Об этом свидетельствует даже история эллинская, говоря, что человеческие жертвы всюду на земле прекратились не прежде, но после божественного учения нашего Спасителя, именно, около времен Адриана [103]. Слыша столь ясные доказательства, убеждающие в силе и могуществе нашего Спасителя по смерти, кто будет так упорен, что не согласится со свидетельством истины и не признает божественной Его жизни? Это — подвиги живых, а не умерших, эти явления открывают зрелище вещей сокровенных. Племя богоборцев недавно возмущало человеческую жизнь, заправляло всем и было могущественным но, выйдя из среды людей, оно лежит в земле бесславнее сора, бездыханное, недвижимое, безгласное, и нет о нем ни речи, ни воспоминания. Такова участь мертвых! И кто более не существует, тот ничто, а ничто может ли делать что-нибудь? Напротив, кто действует, производит и имеет силы более, чем живущие, того как считать несуществующим? Правда для очей телесных Он невидим, но указатель его бытия — не чувство. Телесным чувством мы не познаем даже и отвлеченных понятий, и ученых теорий, да очами никто никогда не видывал и человеческого ума, не говорю уже о силе Божьей. Такие предметы обыкновенно познаются из дел. А потому и невидимую силу нашего Спасителя надобно усматривать и распознавать из дел, то есть, совершаемые им и доселе дела признавать ли делами живущего, или говорить, что они произведены несуществующим? Но как безумен и не связан этот вопрос! Что не существует, тому можно ли с основательностью приписывать бытие, если только все согласны, что не существующее и не имеет никакой силы, и не действует, и не производит, это свойственно мертвым, а живым — противоположное.

17. Теперь время обозреть современные нам плоды учения Спасителя и посмотреть на живые дела живого Бога, ибо такие дела могут ли быть делами существа не живого и даже живущего не истинно Божьей жизнью? А какие это дела, спросишь ты? Слушай. Недавно некоторые богоборцы с особенной ревностью и великой силой простирали свои руки на молитвенные здания и, раскапывая их до основания, истребляли церкви Спасителя, всеми средствами боролись с Невидимым и бросали в Него бесчисленные стрелы слов. Но Невидимый отомстил за Себя невидимым образом. По одному мановению Божьему, не стало тех, которые незадолго жили в неге в роскоши, которых все величали равными богам и которые, в продолжение многолетних периодов, отлично управляли (εὐθυνατὲς ἀρχῆν), пока хранили расположение и мир в отношении к предмету последующего их гонения. Как скоро они переменили свои мысли, дерзнули богоборствовать и, сделавшись защитниками и поборниками своих богов, вооружились против нашего, — тотчас в одну минуту времени, по одному мановению и силе Бога, с которым они воевали, все подверглись суду за свое дерзновение, так что должны были уступить Тому, на Которого встали и, обратившись в бегство, исповедали Его божество, поспешили согласиться и говорить противное прежним своим дерзостям. А Спаситель наш вдруг по всей земле воздвиг победные трофеи, снова украсил Ойкумену святыми храмами и достоуважаемыми молитвенными домами: по городам и селам, по деревням и пустыням варваров святилища и места народных собраний посвящены единому Царю, Богу и Владыке всяческих, от чего по Владыке же удостоились и названия, то есть получили имя не от людей, а от самого всех Господа и названы Господними (Κυριαχαί). Итак, желающий пусть предстанет и научит нас: кто, после стольких разорений и опустошений, воздвиг снизу доверху священные здания? Кто в гораздо лучшем виде возобновил те из них, на которые прежде не оставалось никакой надежды, и, что всего удивительнее, возобновил не по смерти богоборцев, но еще при жизни этих самых разрушителей, так что они собственными устами и собственным писанием воспели песнь раскаяния в своих дерзостях, и

это сделали не тогда, когда жили еще в удовольствии (чтобы кто не подумал, будто такое дело произошло от их разумного человеколюбия), но когда поражены были небесными бичами? Кто после стольких бурь гонения и во время самого разгара бедствий, божественным своим учением явил во всей Ойкумене бесчисленных ревнителей любомудрия и служителей Божьих - мужей, благочестивые общины жен и сонмы дев, которые всю свою жизнь посвятили постоянному целомудрию, и научил их, на пути воздержания мужественно и многодневно отказываясь от пищи и вина, проводить жизнь строгую и суровую? Кто убедил множество мужей и жен, посредством духовного чтения, питать душу умственной пищей и заменять ей пищу тела? Кто научил варваров и людей свирепых, жен, детей, племя рабов и тысячи тысяч народов презирать смерть, верить в бессмертие души и в бытие правосудного ока [104], надзирающего за делами человеческими, ожидать суда Божьего на благочестивых и нечестивых, и стараться проводить жизнь праведную и воздержную. Ведь не будучи расположенным к этому, никак нельзя возложить на себя иго благочестия. Все сие даже доньше совершается одним нашим Спасителем. Но оставим это, и окаменевший ум приведем к убеждению следующими вопросами: Скажи-ка ты, пронносящий умные слова и рождающий плод не из простого сердца, а из разумной и мыслящей души, скажи ты, часто размышляющий сам с собой, кто когда-нибудь из всех, от века прославленных мудрецов, подобно Спасителю нашему, за тысячи лет был посредством пророчеств узан и предсказан древними боголюбивыми сынами евреев? Они предузнали и место Его рождения, и время пришествия, и образ жизни, и чудеса, и речи, и дела, и все это внесли в священные книги. Или кто, как Он, являлся столь скорым в наказаниях за сотворенные в отношении к Нему дерзости, что, вслед за своим нечестием, весь иудейский народ невидимой силой подвержен гибели, столица его разрушена до основания, и самый храм, со всей священной его утварью, сравнен с землей? [105] Кто, как наш Спаситель, предрекая и об этих именно нечестивых людях, и о неодолимости созданной им во всем мире Церкви, оправдал это соответственными событиями и доказал делами? О храме нечестивых сказал Он: оставляется вам дом ваш пуст; и не имат остатки зде камень на камени, иже не разорится (Матф. 23,38.24,2) о Церкви же: на камени созижду Церковь Мою, и врата адава не одолеют ей (Матф. 16, 18). А как тебе кажется, что Он взял людей простых и необразованных — прямо с рыбной ловли, и сделал их вселенскими законодателями и законоучителями? А как ясно доказательство его божества, что Он и на словах обещал, и на деле сотворил их ловцами человеков (Матф. 4, 19), и даровал им столько силы и способности, что они написали и распространили книги, и книги их получили такую важность, что во всей Ойкумене переведены на различные наречия, греческие и варварские, и ревностно изучаются у всех народов, и все, заключающиеся в них изречения признаются божественными? Каково и то, что Он предсказал будущее и своим ученикам наперед засвидетельствовал, что они ведены будут пред цари и владыки (Матф. 10, 18), и подвергнутся истязаниям и крайним мучениям не за какое-нибудь преступление, а за одно исповедание Спасителя? Не выше ли всякого выражения и то, что Он приготовил их к мужественному перенесению всех бедствий, и так оградил оружием благочестия, что в борьбе с противниками души их являются тверже адаманта[106]? Не выше ли всякого чуда и то, что не только эти Его последователи, но и преемники их, и позднейшие христиане, даже до настоящего времени, так укрепили силы своих душ, что, не сделав ничего достойного смерти, за веру в Бога всяческих с удовольствием переносили все казни и все роды пыток? Кто из царей когда-нибудь удержал власть через столько веков? Кто и после смерти так воинствует, воздвигает трофеи над врагами, покоряет всякое место, страну, город, Элладу и земли варварские, и невидимой, сокровенной десницей усмиряет противников? А главное, — не заградятся ли уста хулителей тем миром, который силой Спасителя воцарится на всей земле, и о котором, что следовало, мы сказали выше? Как произошло на самом деле, что с распространением учения Спасителя нашего и с сотворением Его проповеди во всей земле, настало единомыслие и согласие всех Людей, небеса даровали надежду боголюбивым душам: так издревле предсказано было, а Божьими пророками, что, когда Он посеет семя своего слова между народами, тогда воцарится всеобщий мир. Но мне недостало бы и целого дня, государь, если бы я захотел свести воедино все, столь ясные доказательства божественной силы нашего Спасителя, заимствуя их из видимых доньше событий, потому что никто никому и никогда от века ни из греков, ни из варваров, не показал столь великой силы Божьего могущества, какую явил нам Спаситель наш. Впрочем, что говорить о людях, когда в Ойкумене не было такой природы даже между прославляемыми у всех язычников богами! Иначе, желающий пусть укажет ее, пусть предстанет какой угодно философ и скажет, слышал ли он, чтобы кто-либо из богов или героев всех времен преподавал язычникам такое учение о вечной жизни и небесном царстве, какое наш Спаситель? Он заставил темы обитателей земли провождать жизнь по уставам любомудрия, убедил их стремиться к небу и чаять обители, уготованных боголюбивым душам на небесах. Какой когда-либо бог или герой — человек, проходя путь от солнечного восхода до запада, — путь, едва ли неравный пути солнца,

блистательнейшими лучами своего учения озарил и просветил целую Ойкумену, так что все Люди совершают одно и тоже служение единому Богу? Какой когда-либо бог или герой, удалив всех богов и героев эллинских и варварских, узаконил никого из них не почитать за бога, и этому закону дал силу обязательную, потом, подвергшись нападениям от всех, один уничтожил все силы противников, победил этих вековых богов и героев, и от конца до конца Ойкумены расположил все народы именовать Себя одного Сыном Божьим? Кто заповедал самым простым жителям Ойкумены, обитающим и на земле и на морях, в каждой неделе праздновать день Господень и, для совершения праздника, собираться вместе, тела изнурять, а души оживлять божественными наставлениями? Какой бог или герой, будучи преследуемым так, как наш Спаситель, воздвиг победные трофеи над врагами? Ведь они с самого начала до конца не преставали нападать на Его учение и на Его народ, а Он между тем, невидимый, невидимо возводил на высоту славы — и своих присных, и святые свои храмы. Но как мечтать, что божественные силы Спасителя нашего, превышающие всякое слово, могут быть заключены в слова, когда, и при нашем молчании, самые дела Его громко говорят всякому, кто стяжал духовный слух? Событие, подлинно дивное необычайное и единственное, совершившееся пред очами смертных, — что единый истинный Сын Божий явился на земле и даровал людям столько благ!

18. Но все, сказанное мною, государь, может быть излишне для твоего слуха, потому что ты сам не раз собственным опытом познавал божественность нашего Спасителя, и не словами, а делами проповедывал всем эту истину. В свободное время, если бы тебе было угодно, ты сам мог бы рассказать нам о бесчисленных богоявлениях твоего Спасителя, и о том, как часто посещал Он тебя во сне, не говорю уже о мистических Его энергиях (ἐνεργείας), напечатлевающихся в твоём уме и сообщающих тебе общепользные и нужные меры попечения обо всех. Ты рассказал бы нам, как следует, о ясной помощи Бога, защитника твоего и охранителя во время войн, о кознях врагов и злоумышленников, об избежании опасностей, о благоуспешности в случаях затруднительных, о защите в уединении, о находчивости в тесных обстоятельствах, о предведении будущего, о заботливости касательно всего царства, о рассмотрении предметов неизвестных, о великих решениях, о политическом устройстве, об управлении войсками, об исправлении недостатков, о постановлениях общественных, о полезном законодательстве. Ты без пропуска пересчитал бы все порознь, что от нас сокрыто и известно только тебе и царской твоей памяти, как ковчегу таинственных сокровищ. Воспользовавшись, вероятно, всеми этими, столь якими, доказательствами спасительной силы, ты представил пред очами всех верных и неверных молитвенный дом — трофеей победы над смертью, и святой храм святого Бога, как, бли-стательные, великолепные и прекрасные памятники бессмертной жизни и божественного царства, и как особенно приличные и подобающие приношения василевса Всецарю, Спасителю и подателю победы. Этими дарами украсил ты храм и свидетельство бессмертной жизни, как для того, чтобы ими, будто царскими надписями, объявить небесное Слово Божье победителем и триумфатором победы, так и для того, чтобы публично ясным и незатемненным голосом, защитой и словом, проповедать боголюбивое согласие.

конец.

примечания

*По изданию: [Евсевий. Жизнь Константина] / перев. СПб. Духовной Академии, пересмотрен и исправлен Серповой В.В.; примеч.: Калинин А. - М.: изд. группа Labarum, 1998.
Текст передал для публикации А. Калинин.*